
КЛАРА D'ЭЛЕБЕЗ
или История девушки
былого времени
Франсис ЖАММ

Salamandra P.V.V.

Франсис
ЖАММ

КЛАРА Д’ЭЛЕБЕЗ

или

История девушки былого времени

Избранное
Том I

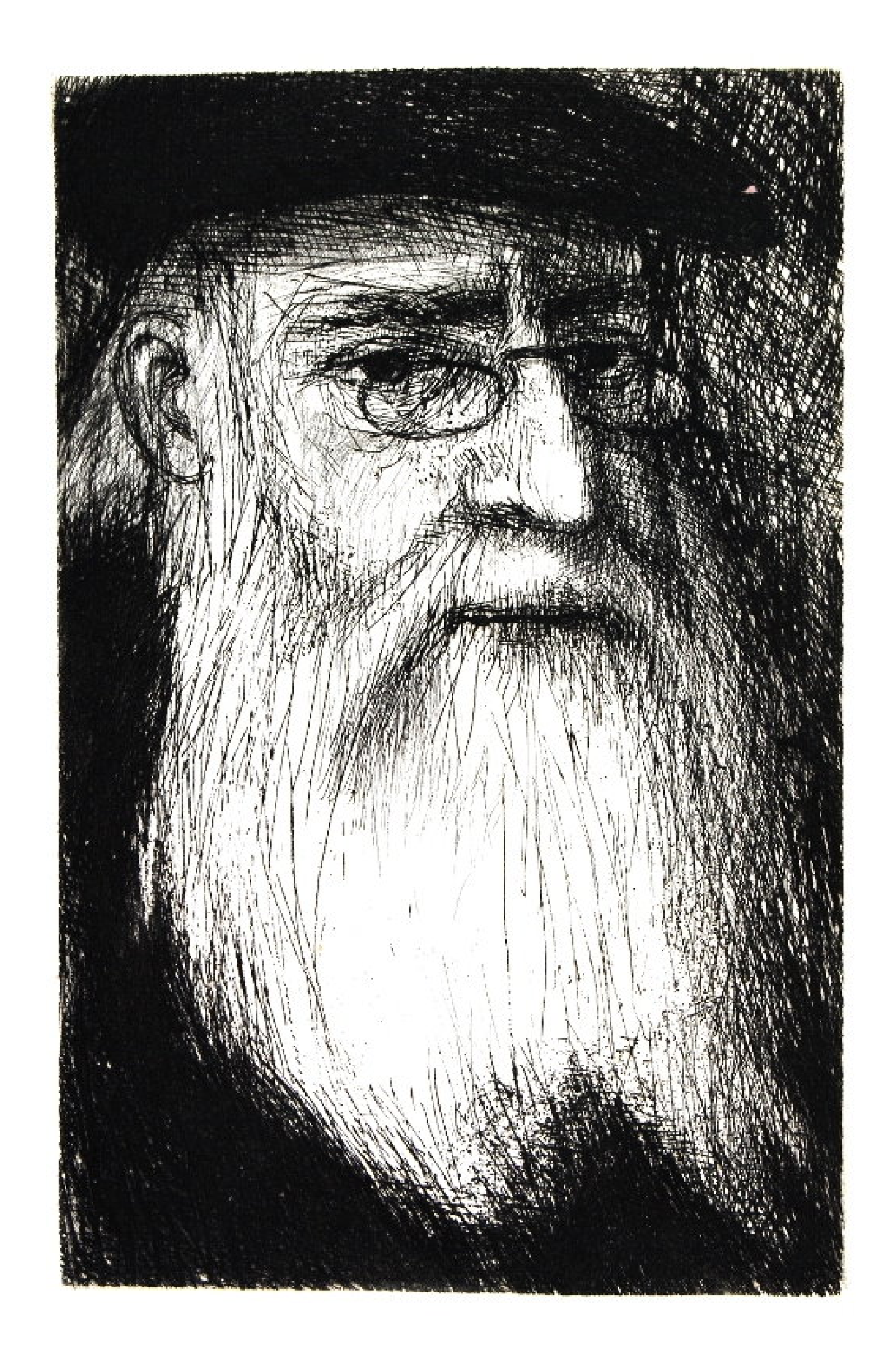
Salamandra P.V.V.

Жамм Ф.

Клара д'Элебез или История девушки былого времени. Авторизованный пер. с фр. И. Эренбурга. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 102 с., илл. – (Жамм Ф. Избранное. Том I).

«Клара д'Элебез» – сентиментальная жемчужина французского поэта-символиста, прозаика, драматурга и критика Ф. Жамма (1868-1938), маленькая повесть, выдержавшая множество изданий на родине поэта и за ее пределами. В первый том «Избранного» Ф. Жамма вошел впервые переизданный перевод повести, выполненный в 1910-х гг. И. Эренбургом. В приложениях – переводы некоторых стихотворений Ф. Жамма и ряд статей о поэте.

© Translators, estate, 2016
© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2016

КЛАРА Д'ЭЛЕБЕЗ

или

История девушки былого времени

Кларе д'Элебез

В глубине старого сада, полного тюльпанов, нежное воспоминание, утешающее мою жестокую жизнь, покойся навеки!

Я никогда не предал тебя, ты никогда меня не обманула. Ты умерла прежде чем я родился, ибо в небесах мало дивных роз.

Мое дитя, моя подруга, я вспоминаю день, когда, в белых сумерках осени, ты шла с маленькой лейкой над буксом.

Еще вспоминаю я монастырский двор, где ты в наряде первопричастницы была подобна тихой кадильнице.

Не оставь меня! Когда мятежный, под звуки благовеста, голубыми вечерами, я влачу под вязами маленького городка свою гордость и сомнения, — положи свои белые руки на мой лоб!

Прими эту маленькую книгу. Она безыскусно написана. Но я улыбаюсь, ибо люблю ее из-за тебя. Ты никогда не знала, о жница мотыльков, как я, ты не знала, по какому закону надо в стихах любить и плакать в прозе.

Я даю тебе мою душу. Я не знаю, что стоит она. Но ты брось ее к стопам Господа. Ты пришла в сирени моей печали. Скажи Богу, возлюбленная, что я не хочу больше помнить об унылой земле.

I

Клара д'Элебез просыпается и зевает, прикрывая рот голой рукой. Она русая, полная, и глаза ее цвета ясного неба.

Восемь часов. Солнечный луч скользит по комнате и освещает среди веселого голубоватого ковра портрет дяди Клары Иоахима д'Элебез.

Девушка еще раз зевает, потягивается и начинает думать: какой был дядя Иоахим? Этот дом в Пон-а-Питр, где он умер, был красивым или нет?... Маленькая миниатюра, которую мне бабушка показывала, она там в нижнем ящике; это портрет его невесты. Ее звали Лаурой. Она очень красивая, с черными локонами, в корсаже из белого муслина в зеленую полоску и в коралловом ожерелье. Что она похоронена рядом с дядей? У него была дуэль... Это господин д'Астен мне сказал... Лаура была красивее мамы или нет?

Клара д'Элебез одевается, потом молится. Дом просыпается. Скрипит лестница. Из вестибюля доносится щебетанье канареек. Она спускается в столовую и берет из вазы виноградину, зернышки скользят из пальцев.

— Уже девять часов, — говорит она себе. — Мама задержалась, верно, возвращаясь со службы.

Девять часов звонит трюмо, изображающее церковь меж вязов. Часы находятся на колокольне, их бой хриплый, но нежный. В полдень и вечером он выводит «Angelus». Под деревьями нарисованы пастух, пастушка и бараны.

Клара д'Элебез рассматривает пастуха и пастушку.

«Они беседуют, — думает она, — и повенчаются в часовенке трюмо. Вот будут ли они счастливы? Я им

желаю этого. Но так как это на картине, они не могут жениться...»

Она надевает большую соломенную шляпу, украшенную ромашками, и идет на крыльцо. Медлительный павлин прогуливается по лужайке.

— Павлин, — рассуждает она, — это образ гордыни. Я гордая. Это сказал мне духовник. Но не все на свете носят имя д'Элебез. Вот и мама идет...

— Дитя мое, — говорит госпожа Элебез, поцеловав дочку в лоб, — надень сегодня то платье, что подарила тебе тетя Аменаида. После обеда должен приехать господин д'Астен.

Госпожа д'Элебез идет домой, а Клара — в плодовый сад. Она проходит мимо темной малины и блестящих яблонь. Сквозь ветви букса дрожит лазурь небес. Но вот недавнюю радость сменяет в душе девушки какая-то печаль, подобная этому золотому дню.

Сразу и без видимой причины беспокойство овладевает Кларой. «Господи, — просит она, — сжалься надо мной! У меня были дурные мысли. Куда я попаду, если умру теперь? Готова ли я предстать перед Господом? У меня были нечистые мысли о дяде Иоахиме и его невесте Лауре. Я думала о том, садилась ли она когда-нибудь на его колени...»

Этот страх греха, пытка, которую способна понять лишь душа католика, потрясает душу Клары. Она подходит к концу сада и возле беседки, открыв калитку, проходит в самую тенистую часть парка. Здесь лавры, клены, ольха. Под лиственным сводом точно ночь, даже тогда, когда июльское солнце зажигает светлые верхушки деревьев.

Но девушка быстро проходит парк, минует решетку, где вензеля д'Элебез красуются на железных гербах среди заржавевших лилий. Она идет по дороге, дрожа-

щей в зное. По краям папоротник. Стучит где-то дятел, и ящерица проскользает пугливо.

Эта дорога ведет к старой, бедной часовенке. Надо пересечь кладбище. Там на холмиках мята, дикие гвоздики и курослепы.

Клара д'Элебез входит в часовню. Ощущение холода поражает ее. Кажется ей, что капли дождя падают на разгоряченное тело. Под знойным небом, прикрытая черепицами и плющом, Божья хижина держит прохладу, как кувшин.

Алтарь прекрасен и беден. На двух маленьких окошках тщательно накрахмаленные занавески. В нишах Богородица и святой Иосиф. У их ног дешевые вазы, в них бумажные розы. Посередине церкви, в выдолбленном камне, как будто в чаше — святая вода, полная светлой тени. Прост и скромен старый деревянный потолок.

Клара д'Элебез, стоя на коленях, молится.

— Господи; — шепчет она, — огради меня от дурных мыслей! Я хочу быть чистой девочкой! Избавь меня от любопытства! Исцели от желания прочесть в бабушкином ящике письма дяди Иоахима! Я мятежная душа. Матерь Божия, заступись за меня! Спаси меня от ада! Я страшусь быть проклятой навеки! Боже, не разлучи меня с мамой и с папочкой! Сделай, чтоб мы все вместе были на небе! Прости меня!

Клара крестится, кропит лоб святой водой и выходит. На одну минуту день ослепляет ее. Вдалеке, за тенистыми холмами, — Пиренеи, подобные небесным водопадам.

Клара возвращается мимо кладбища. Здесь могилы всех из рода д'Элебез: Бернар д'Элебез, 1690. Жан д'Элебез, 1716. Жан д'Элебез, 1780. Елисавета д'Элебез, 1781. Тристан д'Элебез, 1804. Амелинада д'Элебез, 1820. И еще другие.

Немного в стороне — одинокая могила, поросшая розовой белладонной. На камне простая надпись: Лаура Лопе, 1805.

Клара д'Элебез не знала никогда, кто здесь похоронен. Ей сказали, что это близкая семье женщина. Она любит эту могилу, с непонятным, но нежным именем. Ее звали Лаурой как невесту дяди Иоахима.

И Клара снова мечтает:

Каково кладбище Пуан-де-Питра, на котором покоится другая Лаура и ее жених, дядя Иоахим? Есть ли там церковь вроде нашей? Я представляю себе Пуан-де-Питр по гравюре в «Семейном Альманахе»... Пахучие леса и гуляют черные негры... Какая была Лаура?.. Она должна быть высокой и медленно ходить. Они целовались?..

Клара краснеет и отгоняет эти мысли. Она чуть клонится вниз, неуклюжая и очаровательная, какой может быть девушка только в шестнадцать лет. Проходя по саду, она улыбается садовнику, который несет пук салата.

Бабушка работает над ковром, отец рядом с ней курит трубку. На камне храпит Робинзон, старый пес, свернувшись клубком.

— Доброе утро, бабушка! доброе утро, папа!

Они целуются.

— Удачно ты охотился, папочка?

— Да, детка. Пойди погляди в кухню. Только торопись. А то скоро должен приехать господин д'Астен.

Гертруда показывает Кларе двух хорошеньких перепелок, с красными лапками, с рыжими перьями, нежными, как шелк.

Клара д'Элебез идет в свою комнату одеться. Она завивает снова свои тяжелые локоны. Потом надевает платье из белого муслина, которое подарила ей тетя Аменаида. Голубой пояс свисает с высокой талии. Ее

тело, с головы до ног, кажется одной простой и свежей линией. На голых руках ямочки, подобные улыбке. И рот тоже улыбается. Нижняя губа, алая, чуть расщеплена. Детский, немного вздернутый нос. В локонах пропадают маленькие ушки. Лоб узкий и слишком высок.

— Ты очень хороша сегодня, — говорит на площадке лестницы госпожа д'Элебез. — И вовремя оделась. Вот звонок. Я думаю, это господин д'Астен.

Они обе выходят в сад. Полдень. Воздух дрожит. Стрекочут цикады. Слабый ветерок, обремененный тяжкими душами цветов, еле веет. По аллее катится коляска господина д'Астена, останавливается у круга, обсаженного тюльпанами.

Господин д'Астен с трудом вылезает из экипажа — у него деревянная нога. Опираясь на палку, он машет шляпой. Он очень высок. Приглаженные волосы похожи на белый тюльпан. Он одет в узкий и упругий фрак. Поздоровавшись с дамами, он проходит в гостиную.

Голос его мягок. Садясь, он говорит:

— Деревянная нога не хочет меня оставить в покое. Уж две недели, как ревматические боли.

Бабушка Клары госпожа д'Этан с детской улыбкой отвечает:

— Да, как у меня, господин д'Астен. Вот десять дней как распухла правая рука...

— Но у вас, слава Богу, рука — не чурбан... А что скажет нам это прекрасное дитя?...

Он разглядывает Клару, сидящую напротив него, у ширмы. На ширме деревья с желтыми плодами, под ними спящие пастухи. Еще — охота за серной. Через ручей прыгает серна. Собаки с высунутыми языками настигают ее. Вдали, на поляне, два всадника, один с рогом, стараются изо всех сил не отстать. Деревья с желтыми плодами на белом фоне, а ручей и листва си-

ние. Это, должно быть, закат сентября. Кажется, что купы деревьев волнуются под ветром уходящего лета. И перед ширмой свисают локоны Клары д'Элебез, как плоды спелые и прекрасные.

Она ничего не говорит, смущенная и милая. В то время как мать отвечает за нее, тысячи мыслей скользят в девичьей голове. Она думает, что господин д'Астэн смущает ее несмотря на то, что она его давно знает и любит, знает, когда была маленькой, всегда знала его. Он пугал ее когда-то, рассказывая о путешествии в Китай и о замученных миссионерах. Это он подарил ей две красивые гравюры: одна представляет «женщину высшего сословия Монголии в наряде летних церемониалов», другая — «старшую дочь императора»... Китай — противная страна, там мучат Христа... Она так же скверно пахнет, как наш сундук — камфарой и перцем... Это страна демонов... Ах, Клара д'Элебез поехала бы охотнее на острова Гваделупы, где добрые негритянки становятся католичками, где умерли дядя Иоахим и его невеста Лаура... Они любили друг друга среди цветов... Но господин д'Астен очень любит Клару, еще недавно он подарил ей модный браслет — золотую цепь с шариком. Он, кажется, был лучшим другом дяди Иоахима, но он почти никогда не говорит о нем...

Как раз сегодня, когда все переходят в столовую, разговор касается дяди Иоахима по поводу красивого убранства стола — вьющимися розами и петуниями.

— Вот, дорогой Анри, — говорит господин д'Астен, — я вспоминаю, что на прощальном обеде Иоахима, накануне его отъезда в Америку, были такие же цветы вокруг скатерти. Это был очень веселый вечер в Бордо в «Бразильском ресторане». Мы пили за мою и за его любовь. Тогда, конечно, я не думал, что его любовь кон-

чится так трагически, что, приехав из Китая, я должен буду здесь похоронить его возлюбленную Лауру...

Господин д'Астен замолкает. Он забыл о присутствии девушки. Улыбка госпожи д'Элебез ему напоминает об этом.

— У вас, — говорит он, — прекрасные дыни.

— Почва очень песчаная, — отвечает госпожа д'Элебез. — Но вы не узнаете сорта? Это от тех знаменитых семечек, которые вы так любезно поднесли мне шесть лет тому назад. Вы говорили, что они от дочери одного китайского поэта...

— ...Или от дочери мандарина... Вот я старик, даже дыню не могу опознать. А мандарины — я боюсь.

У Клары д'Элебез нахмурились брови. Несколько слов о дяде Иоахиме потрясли ее. Она повторяет про себя: он сказал: «приехав из Китая... я похоронил здесь его возлюбленную Лауру»... Значит, ее, Клару, обманывали. Она умерла здесь. Где? в нашем доме?

Ей сказали, что она умерла в Пуан-а-Питр... Значит, неправда, что они жили там... Но нет, на письмах в ящике написано: «Гваделупа»... Он сказал: «я похоронил ее здесь»...

— У тебя нет аппетита, дитя мое? — замечает госпожа д'Элебез.

Она отвечает:

— Я немного устала, мамочка. —И пьет воду, чтоб принудить себя ест.

В то время как разговор снова возобновляется, она думает: он похоронил здесь Лауру. Она видит в мыслях кладбище, с белладонной, мятой и дикими гвоздиками. И читает: «Лаура Лопе, 1805».

–––––

Ночь светлая и теплая. Толпы мошек покидают ручьи и летят на свет лампы.

После ужина господин д'Астен, который решил остаться, играет в шахматы с господином д'Элебез. Госпожа д'Элебез вышивает свой ковер. Клара, заложив руки за спину, глядит в окно, как скользят тени вязов. Странное томление в ней. Она совсем не может быть счастливой. Даже тихими вечерами, как сейчас, душа ее тоскует. Когда Клара была еще ребенком, подаренная кукла ее приводила в неистовый восторг. Но вдруг она бросала игрушку, и взрослые не могли понять этой перемены. Сразу она становилась унылой, с нахмуренными бровями отворачиваясь со злобой от куклы. «Она переменчива», говорила тогда бабушка. Но нет! В минуту самой большой радости от обладания куклой Клара замечала какой-нибудь маленький, но неизбежный недостаток. Она находила на розовой материи, набитой паклей и представляющей тело, несмываемое, нестираемое ничем пятнышко.

Моя кукла нехорошая, говорила она себе. Как жалко, что в магазине не выбрали другую, все равно какую...

Теперь, когда время кукол прошло, в часы самых больших восторгов, когда она выходит из исповедальной, когда в ее душе благость и покой, вдруг вспоминается забытый грех. Всегда это самый большой. Но забыла ли она его? Не нарочно ли скрыла от духовника? Это сомнение изводит ее. Что знает она? Может ли она утверждать, что нет, не нарочно? Значит, она проклята? И страшные измышления преследуют ее весь день, вечером, во сне...

— Шах и мат! — говорит господин д'Астен своему улыбающемуся противнику.

Клара поварачивается, голова ее все еще поднята, за спиной обнаженные прелестные руки. Она следит за игрой. Не понимая ее, она любит эти блестящие фигуры, которые зачем-то скользят по доске. Потом, молчаливая, она садится у лампы и раскрывает хорошо знакомую книгу.

Это «Китай в миниатюре» де-Бретона, подарок господина д'Астена. Клара д'Элебез разглядывает гравюру, украшающую главу о сборе чая. Розовые обезьяны ползут по горе. Одна из них сидит на чайном дереве и трясет ветки. А внизу китайцы в плоских соломенных шляпах, в оранжевых штанах и загнутых туфлях собирают облетающие листья и цветы. В стороне одна обезьяна, как будто в белых перчатках, сосет плод.

Клара д'Элебез закрывает книгу. Бьет десять часов. Она целует всех и, взяв у Гертруды свечу, идет наверх в свою комнату,

Оставшись одна, Клара чувствует облегчение. Не то что она не любит быть с дорогими родителями, но одиночество успокаивает эту хрупкую душу.

— Дитя мое, — говорит ей часто духовник урсулинок, — ваши угрызения совести — они от слишком большой чуткости. Ваша душа потрясена, но это от добра, а не от зла.

Клара д'Элебез молится, раздевается медленно, но со страшной стыдливостью, боясь глядеть на все, что скрывало платье тети Аменаиды. Она ложится, тушит медным колпачком свечу, но не засыпает. В этот миг душа ее находит равновесие. Тогда она видит все лучше, чем видела на самом деле. Она думает о господине д'Астен, о том, что он сказал, о дяде Иоахиме и Лауре, о тайне, которой окружили их память. Потом она видит себя в парке. Вот верхушка вяза, прогалина, налево урна из серого камня и дальше тенистая аллея... Потом она засыпает.

II

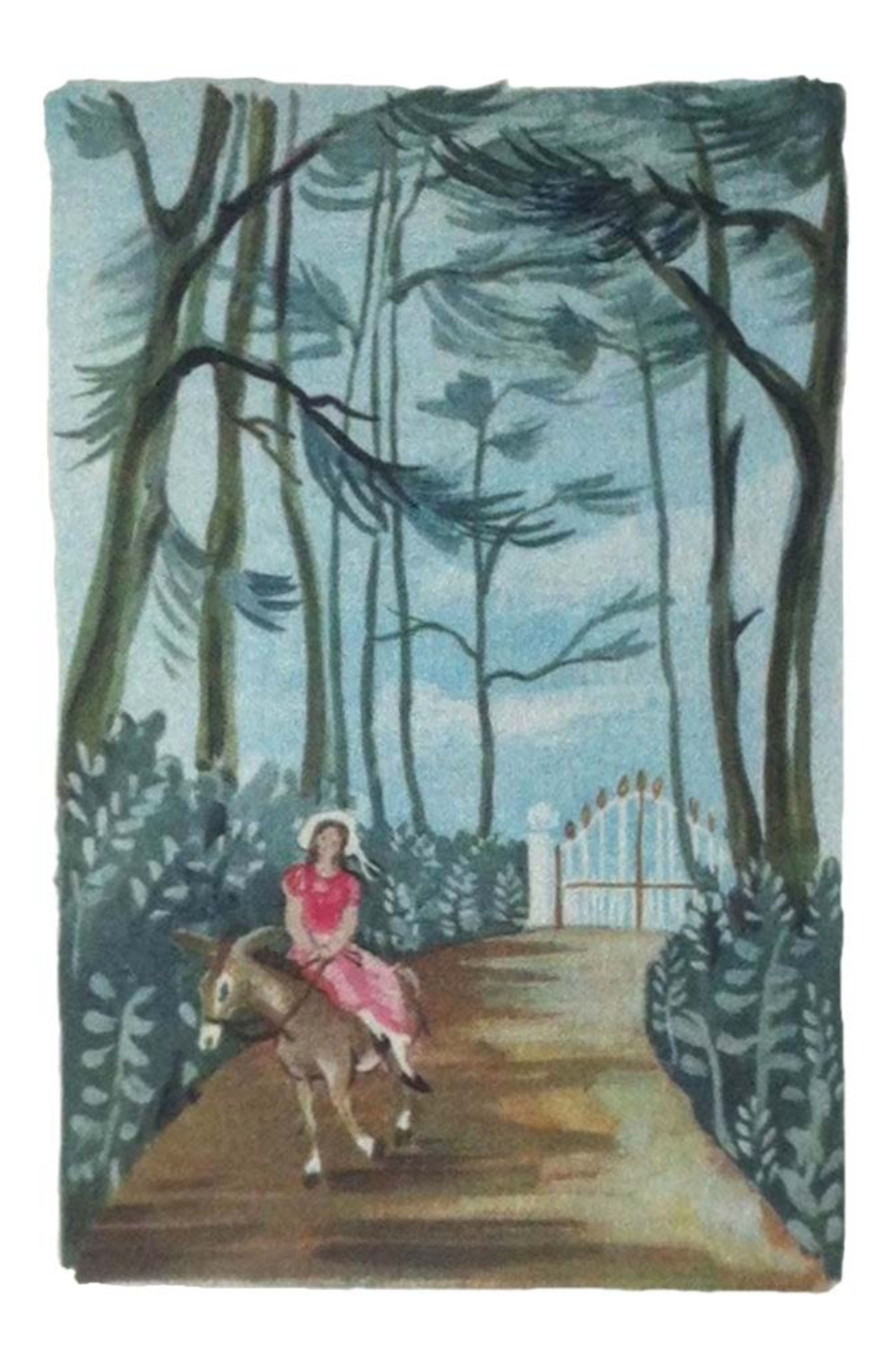
Ночью гроза с ливнем затопили парк. Но влага испаряется и солнце так блестит на листве, что больно глядеть. Клара д'Элебез прогуливается по «аллее орешника». На земле скорлупки, сброшенные белками. Свежее и прозрачное утро напоминает о скором окончании каникул.

Клара ждет, пока садовник оседлает маленького осла. Он кончил. Клара срывает зеленую ветку, вскакивает на осла и правит к воротам. Она выбирает тропинку леса Ноарье. С кизильника ледяные капли падают на нее. Осленок бежит мелкой рысью. Клару трясет во все стороны, и она держит рукой широкую шляпу, готовую слететь. Вот она на замшенной лужайке, где цветут крокусы. На кустах блестят тонкие паутины. Слышно журчанье ручьев, еще переполненных ночным ливнем. Сороки стрекочут, кричит где-то сойка.

Но в чаще леса невозмутимая тишина. Только тихо шуршат высокие папоротники, задетые боками осла. Под каштаном, в просветах солнца и изумруда, цветут лесные гиацинты. Их темно-синие колокольчики останавливают Клару, она срывает цветы, сплетая их с ромашками на своей шляпе.

Она садится возле дерева и, сплетая венок, думает о конце каникул, о начале занятий, о большом рекреационном дворе, на котором октябрьский ветер, острый и холодный, рвет крепкие листья платанов.

Она никогда не могла примириться с монастырем. Всего ужаснее те дни, когда мать приезжает навестить ее. Так горько расставанье, что Клара предпочитает

лучше совсем отказаться от этих посещений. Краткие радости, отравленные ожиданием прощания! Когда звонит колокольчик и надо после получасового свидания расстаться, Клара уносит к своему столику, с сердцем, полным тоски, сласти, присланные госпожой д'Этан. Она их не может попробовать вечером, даже на следующий день они оставляют в ее рту вкус слез, унылый запах, который она называет про себя «запахом разлуки».

«Глупая! зачем я заранее думаю об этом!..»

И она рассматривает упавшего с ветки жучка.

Пора возвращаться, в особенности если ехать королевским шоссе. Она встает, садится на осла и снова едет лесом. Бег осла убаюкивает ее мысли. Она думает о дяде Иоахиме и об его невесте. О таинственной Лауре. Ток-ток, тек-тек, тек-ток выстукивают копыта ослика... О, как хотела бы я видеть колонии Лауры... И она повторяет эти строфы поэта Анаиса Сегеля, напечатанные в «Альманахе для девиц».

Негр над тобой раскинул покрывало
От мухи злой цеце,
И в белом облаке ты задремала,
С улыбкой на лице.
Большие негры чтут тебя покорно,
Следят твой каждый шаг.
И твой венец цариц — мадрас узорный
И твой престол — гамак»...

Но она находит, что эти стихи хуже тех, что пишет Рожер Фошерез, один знакомый ей юноша.

Клара д'Элебез подъезжает к ограде парка, по большой аллее идут ее мать и господин д'Астен. Мать Клары прекрасна. Она кажется акварелью из книги «Живые цветы». На ней шляпа из грубой соломы с боль-

шими лентами, муслиновый пеньюар, белый с розовым горошком. В руке маленький зеленый зонтик.

— Вы далеко были, мое дитя? — спрашивает господин д'Астен.

— Я была в лесу Ноарье и вернулась по королевскому шоссе.

— Это большой круг! Ах, почему не могу я сопровождать вас! Я еще сохранил страсть к утренним прогулкам по лесу. Но вот не могу... На лошади мне пришлось бы обойтись одним стременем... и одной ногой... Печальный рыцарь для вашей защиты, дитя мое...

Клара, улыбаясь, уходит. Госпожа д'Элебез показывает своему спутнику большие, тяжелые подсолнечники, торчащие над изгородью огорода.

— Доброе утро, бабушка! Что вы читаете, бабушка?

— Я читаю, дитя мое, очень любопытную историю.

И чтоб объяснить, бабушка снимает очки.

— Я читала очень интересную историю об одном путешественнике почти неизвестном. Он объехал вокруг света в маленькой лодке. Он был в Индии в одном городе, где обезьяны всесильны. Они дуют в глаза людям сквозь тростинку какой-то зловредный порошок...

— О! какая прекрасная история, бабушка!... Бабушка, нижний ящик вашего комода открыт... Вы забыли его закрыть?

— Нет, дитя мое! Твой отец сейчас придет, чтобы взять бумаги, которые были заперты... Он должен отдать их господину д'Астен.

— Какие бумаги, бабушка?

— Кажется, письма из Гваделупы. Впрочем, это мало тебя касается, мое дитя. Тебе надо идти одеться к завтраку.

Клара д'Элебез выходит из комнаты госпожи д'Этан и, нахмурив брови, взбирается по лестнице наверх.

...Почему господину д'Астен нужны эти бумаги из Гваделупы... Бумаги из Гваделупы —это письма дяди Иоахима... Эти бумаги должны остаться у нас... Почему господин д'Астен унесет их?... Я не хочу, чтобы он унес их!... Он унесет и красивый портрет Лауры?...

Большая скорбь, глухое возмущение потрясают сердце Клары. Она никогда не читала этих писем. Она только видела их мельком, когда бабушка открывала нижний ящик. Но она дорожит этими желтыми листами, потому что портрет дяди Иоахима висит в ее комнате, потому что дядя Иоахим был женихом Лауры... Но она не может помешать отцу передать эти письма господину д'Астену... Безумно даже думать об этом... Она никогда не посмеет...

Она машинально одевается. Мысль, что письма дяди Иоахима покинут, может быть, навеки, родной дом — потрясает ее. Двадцать минут тому назад она была счастлива своей прогулкой. Теперь ее радость отравлена. Она причесывается, надевает свое прелестное платье и, прежде чем, выйти из комнаты, долго глядит на портрет дяди Иоахима, посылая ему поцелуй.

Дверь в комнату отца открыта. Она входит и видит отца за письменным столом над грудой писем. Многие связки перевязаны шнурком, иные даже запечатаны, но некоторые еще разрознены. Скрывая волнение, Клара говорит:

— Доброе утро, папочка! Как ты спал?

— Хорошо, моя детка. Ты меня застаешь за разборкой бумаг, которой я занят с утра. Слава Богу, теперь я кончаю работу. Остается только запечатать сургучом несколько связок. Но это уж после завтрака. Вот уж звонок...

Клара спускается вниз. Мать, бабушка и господин д'Астен уже в гостиной. Приходит вскоре и господин д'Элебез. Господин д'Астен обращается к нему:

— Друг мой, я наделал вам хлопот, заставив разбирать все эти бумаги. Вы уж простите меня!...

— Нет, дорогой д'Астен!... Ваше желание вполне справедливо, и я сам упрекаю себя, что до сих пор не подумал передать вам эти письма бедного Иоахима. Вы перечтете их с волнением... Вы оставили мне их так давно, накануне путешествия и я должен был вам их отдать раньше...

Во время завтрака Клара молчит, скрывая свои чувства. Она старается кушать, чтоб не обратить на себя внимания. Когда на нее не глядят, она с тарелки кидает все на пол — Робинзону. Она смутно слышит все, что говорят старшие.

Кофе пьют на террасе. Клара сходит на ступеньку, где сидит павлин. Она думает:

Это письма дяди Иоахима... Сохранить их нельзя... Папа отдает их... Когда уезжает господин д'Астен?

...Если б я могла оставить себе два-три письма дяди Иоахима?... Очень дурно взять их из незапечатанной связки?... Да, конечно!... Это ужасное воровство, но я покаюсь на исповеди... Да, но разве можно грешить, зная заранее, что потом покаешься в этом?...

Она идет мимо старой стены, покрытой плющом, обходит лужайку и возвращается, потрясенная угрызениями совести и жаждой взять письма.

— Клара, — говорит ей госпожа д'Элебез, — пойди наверх и возьми накидку. Мы потом поедем покататься. На обратном пути ты можешь простудиться в этом платье.

Девушка подымается по лестнице и проходит мимо комнаты отца. Дверь открыта, и бумаги по-прежнему на столе. Она колеблется, входит, выходит, возвращается, закрывает глаза и снова открывает их. Она одна в комнате. Быстро берет она два письма, из двух паке-

тов случайно выхваченные, и убегает из комнаты. Она прячет письма в саше для платков, кидается на колени перед распятием и просит прощения у Бога.

Прогулка по холмам очаровательна, но Клара не может наслаждаться ею. День ей кажется бесконечно длинным. Вернувшись, когда отец подымается на четверть часа в свою комнату, она испытывает ужас и страшную тоску.

Ее страх рассеивается, только когда господин д'Элебез появляется с десятком запечатанных пакетов, говоря:

— Вот, дорогой д'Астен, ваши письма в порядке.

Обед и вечер проходят монотонно. Как вчера, стоит теплая ночь умирающего лета. Тишина в гостиной нарушается только сухим и легким стуком деревянных фигурок на шахматной доске.

В десять часов Клара д'Элебез идет к себе и вынимает из саше два спрятанных письма. Они написаны на пожелтевшей бумаге, со следами пыли и сырости. На одном адрес очень изукрашен. Почерк одинаковый. Печатными буквами красными чернилами:

Гваделупа, через Гавр.

И дальше:

На судно «La Rosina».
Господину д'Астен, в Аисириц, через Балансен.
Во Францию (Нижние Пиренеи).

Тяжелые печати из сургуча. Клара д'Элебез потрясена, в ушах гудит. Она садится, развертывает послания дяди Иоахима, сверяет даты и быстро читает.

Арбонита, близ Пуан-а-Питр.
12 июня 1805 года.

Дорогой Гектор, любезная присылка вами плана домика, в котором должна устроиться Лаура, меня бесконечно тронула. Все, что вы сообщаете, меня вполне удовлетворяет, в особенности то, что дом не сырой — это ведь очень важно для креолки, никогда не покидавшей Антильских островов. Описание, которое вы приложили к плану, восхитительно. Уединение, недалеко от деревни, где протекла моя молодость, понравится ее душе, глубоко раненной жизнью. Мне кажется, что я помню это место. Не называется ли оно «Заколоченным домом»? Не на холме ли оно, близ Ноарье? Нет ли вблизи него колодца, где я часто садился во время наших охот на зайцев?

То, что вы пишете о саде, мне также нравится. Лаура любит цветы. Так как она обожает также птиц, будьте любезны купить несколько у ребятишек Балансена. Конечно, их трудно сравнить с нашими тропическими птицами, но чижи, снегири и коноплянки очень приятно поют.

Моя подруга в глубокой скорби от мысли, что покидает Пуан-а-Питр. Ее тоска удваивается от сознания, что ее родные будут в неизвестности, жива ли она. Я обещал ей, что один из ваших лондонских друзей доставит лично на судно, отплывающее к Антильским островам, ее письмо.

Я отправлю Лауру тайно в Сан-Пьер на Мартиниках, откуда она 30 сего месяца уедет на «Aimable-Elisa». Я прошу вас встретить ее в Пайяк-сюр-Жиронд, куда судно причалит, вместе с д-ром Кампаньола. Понятно, будете выдавать Лауру, как уже условлено, за больную, чтоб избежать любопытства обитателей Ноарье и Балансена.

Вы напишите мне, дорогой Гектор, сколько я вам должен. Вы получите несколько посылок, отправленных с «Val-d'Or», все они должны находиться в таможне Бордо. Среди них платья Лауры, ее белье (точный список при семь прилагаю) и очень ценная гитара, на которой она превосходно играет.

Ром, который я посылаю вам, перелейте в другую бочку. Вы потеряете несколько бутылок, но то, что останется, будет высокого качества.

Я не знаю как поблагодарить вас, дорогой Гектор, за ваше братское отношение ко мне.

Арбонита, близ Пуан-а-Питр
7 декабря 1805 года.

Я благодарю вас, дорогой Гектор, за подробное описание смерти бедной Лауры. Я хотел знать истину, какой бы жестокой она ни оказалась. Моя рука дрожит, когда я пишу вам эти строки. Вот десять ночей, как я горько плачу и молю прощения у Всевышнего за совершенную неосторожность, которая свела в могилу ее. Увы! Почему остался я глух к просьбам подруги и не поехал с ней во Францию? Почему она не доверяла мне? О несчастный я! Мне остается в рыданиях окончить эту жестокую жизнь, и только религия удерживает меня от самоубийства.

Вы говорите, что ничего не замечали в Лауре последние дни, кроме некоторой грусти. Но разве мы не были приучены к ее меланхолии? Здесь, на этой печальной веранде, откуда я пишу вам сейчас, здесь, где она проводила долгие вечера, разве я доставил ей хоть минуту радости? Бедная, она глядела на меня страдальческими глазами, в которых было как будто предчувствие близкой смерти. Единственное удовольствие

ей доставляли мальчики, приносившие колибри и цветы. Воспоминание об этом столь терзает меня, что я теряю остаток сил.

Но где она могла достать эту склянку с лауданом, которую вы нашли на ее ночном столике? Разве выдают столь ядовитые лекарства без рецепта? Но о чем я говорю? Если она решила, ничто не могло предотвратить страшного конца. Так должно было случиться.

Пусть эта горькая тайна останется меж нами. Не надо, чтоб что-либо могло коснуться ее дорогой памяти. Д-р Кампаньола и вы единственные, кто знают, как развернулась эта тяжкая драма. Я знаю его сердце друга. Он сумеет молчать, ибо если есть обязанности перед людьми, то есть еще большие перед Богом, Который, я верю, будет полон сострадания к ней. Если наказание за ее нехристианскую кончину должно пасть на кого-нибудь, то и здесь и на том свете виновный один — это я.

Бедное дитя сомневалось в моей любви. Она думала, что грустный плод, который она носила в себе, причинял мне тревогу и скуку, что я отправил ее во Францию не затем, чтобы предотвратить скандал ее беременности, а просто с одним желанием избавиться от нее. Почему я таил от нее отцовские чувства, наполнявшие меня радостью? Почему природа оделила меня скрытным характером, прячущим под дурной гордостью нежность и любовь? Почему я не мог объяснить как следует Лауре, что единственная причина ее отъезда — страх перед неприятностями для ее семьи, занимающей в городе видное положение. Никто не подозревал, что девушка уехала во Францию. Ее брат Антонио Лопе пытался искать Лауру, но тщетно. Тайное чувство подсказывало ему, что я виновник исчезновения сестры. За недостатком доказательств он не мог преследовать меня. Тогда он начал жаждать ссо-

ры, и вы знаете печальный исход дуэли, когда, стреляя в воздух, не желая даже ранить противника, я обезобразил ему лицо и ослепил его.

Лаура — сомневалась ли она в том, что я вернусь во Францию и обвенчаюсь с ней, как обещал? Не знаю. Но каждый вопрос наполняет мою душу тоской, ужасом и раскаянием. Я хочу, дорогой друг, если это не сделано уж, чтоб Лаура покоилась на кладбище, где буду похоронен и я. Пусть эта вечная невеста спит близ могилы всех д'Элебез, имя которых она должна была принять. Если б брат Тристан был жив, я просил бы вас рассказать ему о всем. Также прошу вас, на случай, если я умру здесь, рассказать все племяннику моему Анри, когда он достигнет совершеннолетия.

Ныне покойтесь в мире, останки моей возлюбленной Лауры! Да будет с вами милосердие Господа! Ты, незабвенная тень! Жертва моего унылого и страстного сердца! Я остаюсь один на земле, ибо ты не оставила мне даже грустного плода наших объятий.

Я плачу, мой дорогой Гектор, обнимая вас.

Иоахим д'Элебез.

Прочтя последнее письмо, Клара перестает что-либо видеть. Холодный пот покрывает ее. Она хочет встать, но без сил падает в кресло. Мало-помалу она просыпается. Чувство довольства рождается в ней. Она оглядывается, собирается с мыслями. Берет с туалетного столика кусочек сахара, макает его в настойку мелиссы и проглатывает... Она уж раз испытала обморок... когда была совсем маленькой... Собирает письма, прячет их в саше, ложится и засыпает тяжелым сном до утра.

III

Сегодня воскресенье. Гертруда входит, чтоб раскрыть ставни.

— Пора вставать, барышня! Уж звонили к ранней обедне. Лучше немного раньше выйти из-за господина д'Астен.

Клара одевается, стараясь забыть страшное происшествие вчерашнего вечера.

...Я буду горячо молится Богу, я выпрошу прощение... В этих письмах были ужасные вещи... Я не все поняла... Эта женщина не была его женой и должна была иметь ребенка, и тогда она... О, Боже мой. Боже мой, сжалься! помилуй!...

Клара д'Элебез сходит вниз. Она хорошо выспалась. Госпожа д'Элебез не замечает даже тени тревоги на лице дочери. Гертруда приносит молитвенники. Все направляются к церкви.

Господин д'Астен идет тихо. На каждом шагу его деревянная нога описывает полукруг. Он подсмеивается сам над своей медлительностью:

— Тише едешь — дальше будешь, как говорит пословица... Ах, моя маленькая Клара!...

Все же господин д'Астен очарователен. На нем серый цилиндр, из-под которого спадает на ухо густая прядь ослепительно-белых волос. В трижды сложенном черном галстуке шея хранит свой гордый облик. Темно-коричневый сюртук, с правильными застывшими складками, и на единственной ноге башмак, прикрытый зеленой гетрой.

На господине д'Элебез синий фрак, очень узкий в талии. Он идет под руку с госпожой д'Этан, одетой в

серое шелковое платье. На волосах ее чепец из черного кружева.

Госпожа д'Элебез в соломенной шляпе с водяными лилиями, перевязанной розовой лентой. На плечах кружевная косынка.

День ясен, как и предыдущие. Лесь праздничный. Маленькая церковь залита небесным светом. Священник только что взошел к алтарю. На его ризе вышиты пальмовые ветви и золотые розы.

Дамы стали на колени. Господин д'Астен и господин д'Элебез молятся в углу, сложив руки крестом.

Клара, склонившись, повторяет молитву св. Фомы Аквинского:

«О Ты, возлюбивший меня, о, Иисусе! о, воистину скрытый, Боже, я к Тебе взываю!

Сделай горькой всякую радость, которая не с Тобой, сделай непосильным всякий труд, который без Тебя, сделай страшным всякий отдых, который не в Тебе!

О Сладчайший, о Иисусе, дай мне сердце, переполненное Тобой, чтоб ни один свет, чтоб ни один звук не могли развлечь меня. Дай мне сердце верное и гордое, которое не колеблется и не падает! Неукротимое, готовое бороться в тьме и в буре! Свободное, не раба, не обольщенного. Прямое, не знающее извилистых путей!

Пусть покаяние приобщит меня к терниям Твоего венца! Пусть Твоя благость прольется на путь мой изгнания! Пусть Твоя слава опьянит меня в иной отчизне! Аминь».

Она раскрывает часослов, но не в силах внимательно следить за чтением. Она вспоминает о письмах, взволновавших ее, о дяде Иоахиме, об его невесте Лауре... Лаура Лопе... Да, это же имя вырезано на могильном камне, здесь, рядом с ней. Это она. И сразу, из смутных ощущений, терзающих ее со вчерашнего вече-

ра, вырастает страстная жалость к бедной усопшей. Клара бормочет: Лаура... бедная Лаура... скорбящая... страстотерпица... И в исступлении грустной незнакомке дает имена Матери всех скорбящих.

Священник всходит на кафедру, и, пока он говорит проповедь на местном наречии, Клара д'Элебез разглядывает присутствующих. Она находит направо от кафедры брата ее подруги по пансиону — Рожера Фошерез.

Семья ее одноклассницы, Лии Фошерез, живет в полутора лье от Балансена, в месте, называемом «Замок ив». Это старая усадьба с большим двором, по которому целый день прогуливается сотня павлинов. К ней ведет длинное шоссе, обсаженное ивами и дубом. Господин и госпожа Фошерез мало выезжают. У госпожи Фошерез несколько странный характер, иногда смущающий даже ее мужа. Он же очень милый человек, изучавший когда-то в Монпелье медицинские науки. Он может, не обращая своих услуг в постоянное занятие, помогать своим бедным соседям врачебными советами и в экстренном случае быть полезным друзьям. Господин д'Элебез несколько раз встречал господина Фошереза и чувствует к нему большую склонность, вполне разделяемую. Часто управляющий при поездках в город берет с собой Лию и оставляет ее на несколько часов у д'Элебез. Иногда, но довольно редко, Лия приезжает со своим братом Рожером.

Молодой человек проводит дома только летние месяцы. Он изучает право в Париже. Он очень мил и любит поэзию.

Клара д'Элебез, заметив его, краснеет. Он в охотничьем костюме. Тонкий профиль, черные глаза, очень живые, но мягкие.

Он худой и высокий.

«...Он из-за охоты попал на обедню в Балансен», думает Клара д'Элебез.

При выходе встречаются. Рожер кланяется. Господинь д'Элебез протягивает ему руку:

— Как поживаете, Рожер? Какими судьбами попали к нам? Мы гнались два часа, но зря... Я потерял пса возле Кастетиса. Один из ловчих его ищет, другой стережет у постоялого двора всю свору.

Подходят дамы:

— Здравствуйте, Рожер! Как здоровье ваших дорогих родителей? Моя дочь жалуется, что давно не видно Лии.

— Мать неважно себя чувствовала эти дни. Поэтому она не хотела отпускать от себя Лию. Но теперь ей значительно лучше, и я надеюсь, что на днях сестра приедет к вам.

— Но почему бы вам, Рожер, не остаться у нас? — спрашивает господин д'Элебез.

— Я не отказывался... Но если...

— Нет! Нет!.. Вы остаетесь! Для ваших собак найдется место в конюшне. Вы переночуете у нас, а завтра мы вместе поохотимся. В вашей комнате вы найдете томик Ламартина... Значит, у вас нет причин отказываться. Я сейчас пошлю человека предупредить ваших родителей и привести собак к нам.

Рожер улыбается и благодарит. Маленькое общество направляется к дому вдоль изгороди.

Завтрак проходит очень весело. Клара д'Элебез, восхищенная, слушает рассказы Рожера. Он говорит медленно, немного глухим голосом. Все, что он рассказывает, так оригинально... И потом он столько знает... Париж... Он часто бывает у Ламартина, его юный талант оценили там... Время от времени Рожер, улыбаясь, глядит на Клару то как на ребенка, то как на девушку. Клара забыла свою тоску, письма дяди Иоа-

хима, все... «Это потому, что я хорошо молилась», думает она.

— Господин Фошерез, — говорит старый господин д'Астен,— несколько месяцев тому назад в парижском альманахе приводили несколько прекрасных строф, прочитанных вами на свадьбе. Я весьма жалел, что не было напечатано все стихотворение...

— Если вам будет угодно его выслушать, то я легко...

— Но у меня есть это стихотворение, — говорит, краснея, Клара.

— Как! У тебя?... — смеется господин д'Астен.

— Я его переписала в мой альбом для стихов. Мне Лия дала...

— После завтрака пойди и принеси нам эту тетрадку, — говорит госпожа д'Этан. — Я очень рада увидать, что ты любишь прекрасные чувства, хорошо выраженные.

— Эти стихи, — объясняет Робер Фошерез, — я читал в честь господина де-ля-Мирандье, одного из лучших адвокатов, накануне его отъезда в Рим, куда он назначен секретарем посольства. Некоторые прочли в моих стихах, кроме сердечной дружбы, насмешки над некоторыми малоодаренными вождями. Господин де Ламартин, который присутствовал на этой свадьбе, вступился за меня. Несколько прекрасных дам поздравляли меня, и в тот же вечер на балу у английского посла, тот, кто более всего возмущался стихами, подошел поздравить меня и чокнуться.

Клара д'Элебез застыла в восторге. Как Лия должна гордиться — иметь такого брата! У него руки тонкие, женские, и он смотрит так ласково. Клара смущена. У него улыбка такая, что нельзя понять, не насмехается ли он... Она никогда не забудет, как увидела его в первый раз... Первый вторник месяца— выходной день...

Он был в экипаже — в По — с очень элегантной дамой... О, как она была красива... На ней был розовый капор. Она небрежно откинулась на подушки коляски... Платье было лососинового цвета... Кто она?.. Как узнать?.. Может, это известная дама из Парижа, приехавшая только для того, чтоб ухаживать за Рожером, если он заболеет.

...Поэты должны быть больными и красивые дамы за ними ухаживают... И потом их любят креолки, они читают их стихи в тени огромных цветов... Рожер, может быть, уедет в колонии... Там дают балы... Он встретит девушку, похожую на Лауру... Нет! на меня... Но там ведь смуглые... Фонарь негра будет освещать лес, как в «Поле и Виргинии»... Они повенчаются в церкви, утром... У нее будут голые руки у изгороди шиповника... В поле много голубых кузнечиков...

Завтрак кончился, все идут на террасу. В листве жужжат шмели. Колокол звонит к вечерне. Черные маки увядают на лужайке.

— Дитя мое, — говорит госпожа д'Элебез, — теперь подали кофе и ты можешь пойти за своим альбомом.

Клара д'Элебез идет в свою комнату. Она раскрывает альбом на страничке, где переписаны стихи Рожера. Анютины глазки там засушены. Клара быстро прячет цветок. Но стебель и лепестки, увядая, оставили на бумаге зеленоватый след. Клара пробует стереть его, но это не удается. Она мочит платочек, но пятно только увеличивается. Это как ключи жены Синей Бороды. Она сходит и подает раскрытый альбом Рожеру. Тот улыбается. Все молчат. Рожер читает:

Франсу де-ла-Мирандье по случаю его свадьбы

«О, челн любви стремительный и рьяный
Тебя умчит, умчит в иные страны.

Средь ярких пальм узришь ты новый мир.
Внемли же ныне, о скиталец юный,
Как сердца вздох мои волнует струны —
Таинственный зефир.
Всю жизнь тебе моря любви открыли,
Ты слышишь аромат сладчайших лилий.
И для тебя все зацветает вновь.
О, вождь, забудь народа гнев и бури!
Средь пурпура магнолий и лазури
Отныне славь любовь.
Пусть ярый океан шумит, безбрежный.
На берегу с твоей подругой нежной
Внимай любви речам, любовью полн.
О, слушай голос тайный и стыдливый
Под страстные приливы и отливы,
Под темный рокот волн!
Когда же вспомнишь о родном народе
И о воспетой бардами свободе,
Что нам всего прекрасней и ценней, —
Скажи себе: свобода нам от Бога.
Слагаю я к стопам подруги строгой
Все бури этих дней.
А ныне за тебя подымем чаши,
Тебе, о друг, слова и песни наши.
Ты в явь преображаешь дивный сон,
Тебе поем! Ты на пороге храма
В грядущее глядишь легко и прямо,
Блаженством ослеплен».

— Чудесно!... о! чудесно! — повторяют в один голос госпожа д'Этан и госпожа д'Элебез. Господин д'Элебез важно и строго высказывает жестом одобрение.

Что касается господина д'Астен — он встает, очень взволнованный, и, протягивая руку Рожеру, заявляет:

— Молодой человек, я не разделяю ваших идей! Мое время прошло. Но позвольте сказать вам, что вы далеко пойдете.

Рожер Фошерез встает. Он слегка смущен. Он отдал альбом Кларе и глядит в окно на цепь холмов. Далекое пение вечерни доходит до террасы. И в далеких деревнях отвечают колокола.

Клара д'Элебез ничего не сказала. Никогда в жизни она не была так сладко взволнована, кроме дня первого причастия. Но тогда ее радость была отравлена сомнениями. Она вспоминает, что, идя в церковь, она боялась того, что выпила ночью стакан воды. Она рассказала об этом матери, та, улыбаясь, отослала ее к духовнику. Священник ее успокоил. Она видит этот святой день. Это было пять лет тому назад. На ней было белое тюлевое платьице и венок из белых роз. В свой молитвенник, оправленный слоновой костью, она вложила благочестивые картинки, подаренные подругами. На обороте картинок надписи: «Дорогой Кларе на память о самом лучшем дне нашей жизни». «Моей нежной подруге Кларе д'Элебез, вместе навеки». «Моей любимой Кларе на память о счастливом дне». На картинах изображены: пылающее сердце, святые в лучах дивного солнца, Богоматерь, которая держит младенца Иисуса и голой ногой прижимает змея-искусителя, коленопреклоненные причастницы и наверху Святые Дары.

...Я была в белом, — говорит себе Клара. — В белом бывают в день первого причастия и еще в день венчания.

Сегодня Клара счастлива. История дяди Иоахима и Лауры скрылась в тумане, она ей кажется тяжелым сном. Она относит альбом и возвращается на террасу. Переходят в гостиную, там Рожер голосом, полным чувства, аккомпанируя себе на гитаре, поет новый романс Лоиза Пиже «Когда ты вернешься».

Слуга приходит доложить, что собака найдена и в конюшне и что чемодан с вещами господина Рожера

тоже привезен. Его семья послала ему все необходимое. Господин д'Элебез провожает молодого поэта в комнату, ему предназначенную, и говорит:

— Дорогой Рожер, располагайте временем, как хотите.

— Спасибо. Мне надо написать несколько писем.

— Вы найдете здесь все, что надо...

К обеду выходит Рожер. Он в зеленом фраке, обтягивающем его стройный стан. Разговор идет о завтрашней охоте. Решено, что Клара д'Элебез тоже поедет. Ее посадят где-нибудь в тени, чтоб она не переутомилась.

Отъезд господина д'Астен прерывает разговор. Докладывают, что коляска подана. Он прощается.

Видно, как его экипаж удаляется по аллее, средь тихих сумерек. Он исчезает в листве и вновь появляется среди магнолий. Белые лепестки, как снег, падают на его волосы.

IV

Ночью Кларе д'Элебез снилось, будто она Лаура, а Рожер — дядя Иоахим. Она сидела под цветком, похожим на большой белый колокол. Она задыхалась. Кто-то кричал ей: «Несчастная! Вот пришло время твоей беременности!»

Она просыпается от стука в дверь. Это Гертруда.

— Барышня, уж пять часов!

Клара вспоминает, что сегодня охота за зайцами. Она быстро одевается, забывает дурной сон и думает о Рожере, о предстоящей прогулке. Гертруда приносит ей завтрак. Клара идет за своим ружьем в библиотеку; там пахнет книгами, мышами и прохладой.

Господин д'Элебез, Рожер и три берейтора уж на террасе. Рожер хочет взять ее ружье, чтоб нести, но она, смеясь, отказывает ему. Проходят ограду.

В свежем сумраке рассвета все очертания черны и жестки. Скоро спускают с привязи собак. Они, нюхая воздух, ползают по жнивью. Одна отстала. Другая бегает вокруг одного места. Среди них кривые таксы, усатые ищейки и неуклюжие легавые.

Вдруг раздается призывный лай. Неподвижная, вытянув шею, одна собака воет. Этот долгий стон дрожит в утреннем воздухе. Прибегают другие. Она все воет, с взъерошенной шерстью, с прижатыми к спине ушами, воет и бьет хвостом. Ей отвечают все собаки и далекое эхо. Охота началась.

Красивые замшевые гетры Клары д'Элебез промокли в папоротнике. Она идет за охотниками. Тростник колет ее колени. С веток, как дождь, падает холодная сверкающая роса на ее платье, на шляпу, украшенную

крылом сойки. С полей подымается запах земли и мяты. Заяц ускользает. Все идут по макушке холма.

— Детка, — говорит господин д'Элебез дочери, —ты устанешь так... Посиди немного на дорожке у «Заколоченного дома». Мы скоро подойдем туда все...

...«Заколоченный дом», — говорит себе Клара, —не это ли место, о котором говорит дядя Иоахим в первом письме, место, где жила Лаура?... Ну да!... — Девушка тихо идет по тропинке. Она разглядывает одноэтажный, забитый дом, как будто видит его в первый раз. Тонкая и покосившаяся решетка отделяет сад. Клара идет туда. Зеленые ставни кое-как висят на заржавленных петлях. «Там внутри холодно и темно, — думает она. — Там должны быть повсюду огромные паутины»...

Налево у дороги несколько развесистых дубов и колодец. Клара бродит по саду, глядя на траву, усыпанную маками и маргаритками. Кругом кусты терновника, которые, быть может, раньше окружали беседку. Среди них скамья, сырая и полусгнившая.

Охотники отошли далеко. Клара д'Элебез изредка различает лай собак. Она срывает цветы и думает об их символических значениях, которые она переписала в ученическую тетрадку тайком, ибо это запрещено.

...Бледный мак, такой хрупкий, означает томность и сон. Роза — свежесть и нежность... Что Лаура, знала ли она язык цветов?... Бедная Лаура... Она должна была много страдать... Она умерла здесь?... Где была ее комната?... Может быть, вот это окно, налево?... Там гвоздь, может быть, висела клетка... Лаура любила птиц.

Охотники, верно, за холмом. Клара больше ничего не слышит. Она не знает почему, но ей хочется плакать.

...Она любила птиц — Лаура... И она играла на гитаре... Кто ей дал лаудан?...

Небо синее и ясное. Солнце бросает густые тени к колодцу.

...Лаура пила, может быть, эту воду... Если я тоже выпью?... Здесь есть откуда-то новое ведро... Как в колодце хорошо и темно... Там мох, фиалки... Ведро совсем не тяжелое... Какая прозрачная вода... И холодная...

— Вы простудитесь!

Это Рожер. Он неожиданно появился.

— Ваш отец не здесь? Он сказал мне, что придет сюда. Может быть, он пошел за собаками. Оставьте эту воду. У меня есть в фляжке вино. Хотите стаканчик?

— Спасибо!... Спасибо... Я пью только воду... Я не люблю вина... Я никогда не пью вина...

Она улыбается Рожеру и садится на бревно у колодца. Рожер тоже садится рядом. Они поставили ружья у стены.

— Вы знаете, — спрашивает Клара, — кто жил в этом доме?

— Нет... Я его всегда видел заколоченным. Он очень красив. А вы?

— О! Если б я была поэтом, как вы, или как Альманда де Флерай, тогда я знала бы. Тогда бы сказала..

— Кто это — Альманда де Флерай?

— Это «старшая» в нашем монастыре.

— О чем вы сказали бы?

— Я сказала бы о ставнях, о ржавчине, о старых цветах. Да, есть старые цветы, которые страдают, одинокие, ибо принадлежали умершим людям... Как в этом саду... Я вижу усопших... Они беседовали в саду, теплыми вечерами... Хотите написать об этом в ваших стихах?... Они прекрасны, ваши стихи... Но я глупая девочка, над которой вы смеетесь... От этого мне хочет-

ся плакать... Вот, держите... Эти цветы я собирала для вас... Держите!...

И Клара д'Элебез резко и неуклюже кидает цветы к ногам Рожера. Он улыбается и говорит девушке:

— Это очень хорошо, очень нежно! Я напишу стихи об этих цветах и пошлю их вашей маме для вас...

Но сразу замолкает, пораженный. Он поворачивается к Кларе д'Элебез, думая, что она смеется, закрыв лицо руками. Он мягко отстраняет одну из ее рук... И вот она плачет, плачет от радости... Крупные слезы бегут по щекам, вдоль локонов.

И озадаченный, не желая ничего понять, он спрашивает ласково:

— Что с вами, Клара? Почему вы так плачете?...

Но Клара д'Элебез не отвечает. Долго еще плачет она. Шляпа ее упала... Рожер подымает ее.

— Не плачьте, Клара! Мне очень тяжело...

Он гладит рукой ее золотистый, гладкий затылок, утешая ее. Тогда Клара неожиданно прижимается к Рожеру и долго плачет, спрятав лицо на его плече.

\-----

Призыв охотничьего рожка доносится к ним издалека. Рожер встает и отвечает. Он берет платок, который лежит на коленях Клары д'Элебез, и улыбаясь утирает ей глаза. Она тоже улыбается.

— Скорей, скорей, Клара!... Не плачьте больше. Не нужно, чтоб заметили, что вы плакали. Я вас очень люблю. Будьте хорошей.

Клара д'Элебез мочит платок в нагретой солнцем воде и быстро умывает заплаканные глаза.

Главный берейтор появляется с собаками. За ним едут господин д'Элебез и дровосек, который тащит двух зайцев, убитых возле Кастетиса.

— Это я подстрелил! Вы не гнались, Рожер? А было очень любопытно...

— Нет! Я был слегка утомлен. И потом я был с такой милой собеседницей.

— А ты, Клара?

— Я очень довольна, папочка.

— Что ж! двигаемся!

Сходят в долину. Сороки слетают с плетня.

— Хочешь? Выстрели!

Клара д'Элебез прицеливается, но не стреляет. Птица улетает. Клара хохочет:

— Она такая милая, папочка!

И, прицелившись, стреляет в кувшин у дороги, разбивая его. Снова смеется:

— У меня еще один заряд. Рожер, во что выстрелить?

— В мою шляпу, на палке.

— Нет, она слишком красива.

— Да, я хочу! Это будет на память. Раз... два... три... Готово!

Клара д'Элебез улыбается, довольная. На шляпе следы дроби. И потом она видит в руках Рожера цветы, которые срывала для него и кинула на землю.

Рожер уехал в тот же вечер, оставив в детском сердце нежность, подобную золотому и белому закату сентября. Клара уходит мечтать в плодовый сад. История дяди Иоахима и Лауры ей не кажется больше ни зловещей, ни ужасной. Она может думать о ней спокойно.

...Это была жизнь креолов когда-то, — рассуждает она,— жизнь пылкая и страстная.

Она не знает хорошенько, какой была эта жизнь, и не понимает ясно, что значат слова, которыми опре-

деляет она ее. Но видит Клара великолепие островов, среди осенних виноградников и стручков индийского перца, который Гертруда подвешивает к перекладинам чердака. Она видит еще себя с Рожером на балу, на Антильских островах или в другом месте. Юный моряк в «Семейном Альманахе» говорит о Флориде и об Южной Каролине. Там бывают революции. Сахарные плантации захвачены пожаром. Вождь повстанцев хочет убить младенца, но верный раб сажает его на верхушку кокосовой пальмы...

Мечты Клары подняли ее благочестие. Сомнения рассеялись. Бог ей кажется бесконечно добрым. В эти дни, еще знойные, церковь похожа на прохладное гнездо. Часто она уходит туда, но больше не просит у Бога прощенья за сотворенные грехи. Теперь ее молитвы—немой восторг, легкий дым кадильниц. В своих мыслях она окутывает ноги Богоматери нежными псалмами. Во время возношения Св. Даров она старается про--гнат из головы стихи Рожера:

«Внемли же ныне, о скиталец юный,
Как сердца вздох мои волнует струны —
Таинственный зефир».

После обеда, как-то, приходит Лия.

— Представь себе, дорогая, — говорит ей Клара, — недавно твой брат восхитил нас своими стихами. Он часто читает вам?

— Нет, дорогая. Он не делает нам этой чести и потом...

— И потом?

— Рожер говорит, что девушкам нельзя слушать его многих стихов.

— Ты читала такие?

— Вот любопытная!... Один раз... Это было стихотворение к даме...

— Что там было?

— Не помню... Он говорил об ее плечах.

— Как ты думаешь, он их видел на балу?

— Ну да, глупая...

Клара д'Элебез думает о той красивой даме, которую она видела раз с Рожером в коляске. На ней был розовый капор...

— Дети, — зовет госпожа д'Элебез, — идите в столовую.

Подруги садятся за стол, одна против другой. Оправляя платье, они улыбаются по-детски — застенчиво и радостно, этой улыбкой нежной и невинной, почти грустной, двух учениц, встретившихся за стеной пансиона.

Клара д'Элебез в платье тети Аменаиды. Ее локоны падают на плечи, как ветви бука. Лия Фошерез темнее Клары, она причесана гладко, с бархатным бантиком на голове. У нее черные, миндалевидные глаза, как у брата. Нос острый, а рот маленький и круглый. На ней лиловое платье, и кончики панталон падают на башмаки цвета юбки. Черные шелковые перчатки придают ее ручкам важный вид. Она все время улыбается своей подруге, с ложечкой над тарелкой темной малины.

Госпожа д'Элебез уходит. И дети молча едят. Часы в трюмо бьют четыре. Время от времени Клара д'Элебез встает и угощает подругу. Она сама написала два маленьких меню: «малина, виноград, яблоки, шоколадный крем, абрикосовое варенье, сироп из смородины, аршад». Вдруг они начинают смеяться, потому что на ставню взлетел павлин, как букет теней.

После они идут на лужайку и с поднятой головой, вытянув руки, играют в серсо.

— Пойдем поглядеть, есть ли в курятнике яйца, — кричит вдруг Клара д'Элебез.

В соломе они находят три теплых яйца и несут их Гертруде, та благодарит добродушно. Обнявшись идут они по тенистой аллее.

— Ты имеешь известия об Альманде де Флорай?

— О!... представь себе!... — отвечает Лия, — только представь себе!... Рожер увидал позавчера в моей тетрадке стихи Альманды.

— Что он сказал?

— Он сказал: это стихи молодой и экзальтированной особы.

— Это все, что он сказал?

— Он еще прибавил: твоя подруга Клара д'Элебез говорила со мной на днях об Альманде де Флорай. Но то, что говорила твоя подруга, во сто раз прекрасней стихов Альманды.

— И потом?...

— Потом я спросила его, о чем ты говорила.

— И что он ответил?

— Она говорила о старом саде.

— Это все? — спрашивает тревожно Клара д'Элебез.

— Все...

— Да, это правда... Я говорила ему о старом саде...

— О каком саде?

— О саде «Заколоченного дома».

— Что это?...

— Это дом на холме у Ноарье.

— Кто там живет?

— Никто, он ведь заколочен... Но прежде... Когда-то...

— Кто? Скажи?

— Больная иностранка... мне кажется...

— Погляди, какая толстая ящерица...

— У нее синяя головка.

— Слышишь — экипаж? Это приехал управляющий за мной... О, как скоро!...

— Мы увидимся теперь только в монастыре... Вот и конец каникулам...

— Как скучно это, дорогая!... И Рожер уезжает послезавтра. Я останусь почти одна. Ты мне напишешь?

— Да... А ты тоже?

— Хорошо.

_____

Лето кончается. Дни то спадают на резком ветру, то засыпают под шорох дождей. Клара д'Элебез после обеда рассматривает и приводит в порядок свой гербарий. Кончиком булавки она расправляет лепестки, считает их. Вот «ларбазис», который издает запах сладкого миндаля и цветет на поемных лугах. Вот «осенний крокус», он вреден коровам. Вот «солнечная роса», она растет в торфяном болоте и ее листья всегда серебрятся от рос. Вот «полевой гиацинт» с темно-синими колокольцами, и хрупкий «блуждающий вереск», и «душица» печальная с скромными и душистыми лепестками. Вот лечебный «обыкновенный шалфей» и «мелисса» — любимица пчел. Клара д'Элебез перечитывает в своей ботанике, предисловие которой украшено Богородицей в цветах, следующие стихи неизвестного поэта:

«Мелиссы цвет приятен и полезен,
Целителен душистый сок.
И рою пчел средь всех цветов любезен
Сей самый маленький цветок».

Скоро приходится проститься с цветами и думать о печальном возвращении в монастырь.

Клара д'Элебез раскладывает в своем сундуке много милых мелочей. Она перебирает в ларце письма подруг, полученные за время каникул. Она перечитывает их. Вот письмо от этой чудачки Виктории д'Этремон. С множеством обращений «моя дорогая» и восклицательных знаков, она рассказывает, что жених ее старшей сестры на пикнике упал в воду, что у него в карманах и сапогах осталась тина, что у него не было костюма переодеться, что было комично на обратном пути, как сестра Эдмонда хныкала и вытирала своего Эжена носовым платком. Вот письма Бланш де Персиваль; она жалуется, что не получила ни одного письма от их общей подруги Сильвии Лабуле. «Неблагодарная!» — так заключает Бланш. Что касается Розы де Лимерей — она много читает. «Что меня привело в восторг, это история одного молодого человека (сочинение госпожи Дерваль), которого приняли за другого — убитого. Он оделся палачом и нашел свою невесту в темнице»...

Вдруг Клара д'Элебез морщит лоб. Она забыла в своем саше письма дяди Иоахима. Быстро идет она к шкапу, вынимает два письма, кладет их среди посланий подруг, запирает ларец и прячет ключик меж подкладки своей монастырской накидки.

V

Грусть октябрьского ветра волнует платаны рекреационного двора, подымает холодную и резкую пыль. Тонкая струя фонтана каждую минуту разбивается на ветру. Завтрак кончился, и с земли взлетают бумажки от пирожных, яблок и апельсинов. Это время самых оживленных игр. Мелькают черные платья воспитанниц. Немногие только прогуливаются парами, таинственно беседуя о чем-то.

— Лия! Ты попалась, или я больше не играю...

— 21, 22, 23. Нет! Теперь ты...

— Где *е*? Ты стерла черту...

— Не кричи так.

— Я тебе говорю...

— Ай! Как я больно сделала! Да! Колено...

— ...и потом, — рассказывает одна из степенно гуляющих, — и потом, когда они пришли в трапезную, все заметили, что они говорят мало и голосом хриплым. Они говорили, что вернулись из Палестины. И девица, которая прислуживала, увидела под столом красный сапог. И тогда вдруг...

— Булавка попала в мячик...

— Ай! Ай!

— Какая ты дура! Если ты будешь так кричать, я не играю.

Ветер все воет в отчаянии. Воробьи, нахохлившись от холода, купаются в пыли, пугливые улетают, унося крошки хлеба.

Клара д'Элебез сидит одна на скамье. Три дня ее мучат острые боли в боках, в груди и в затылке. Она сжимает зубы и ничего не говорит о мучении, оттого

ли, что слушать утешения ей слишком тяжело, оттого ли, что безумная мысль проникла в ее расстроенное воображение. Изредка тихий стон — вот и все. Она сидит здесь на скамье с начала перемены, завернувшись в черную накидку, чуть дрожа от жара. Она ничего не отвечает подругам, которые, проходя, расспрашивают ее, никому, даже своей любимой Лии.

Но девушки не удивляются молчанию Клары, зная ее многие странности. Рядом корзинка с виноградом, тщательно уложенным Гертрудой. Мать принесла ее вчера, но Клара не дотронулась до лакомства. Она нелюдима, как больной звереныш.

Она подымается, только когда колокольчик зовет всех в класс.

— Дитя мое, — говорит как будто случайно проходящая настоятельница, — если вы больны, не надо себя переутомлять. Вы всегда прекрасно учились, но за последние дни все замечают в вас перемену. Вы больны?

— Я немного устала. Но это ничего...

— В таком случае вы свободны от всяких занятий. Я настаиваю, чтобы вы теперь отдохнули. Слава Богу, вы достаточно дали доказательств вашего прилежания. Если вы чувствуете себя не так плохо, чтобы лечь в больницу, оставайтесь здесь, по не работайте! Я даже разрешаю вам, как исключение, свободное чтение.. Теперь ступайте, дитя мое!

Клара д'Элебез входит в класс, где ее подруги уж работают. Гусиные перья скрипят на тетрадках, тщательно наклоненных вправо. Девочки пишут, склонив голову на правое плечо и высунув кончик языка.

Клара д'Элебез подымает крышку парты и долго держит ее открытой, подставив линейку. Из-под книг вытаскивает она письмо дяди Иоахима и с лицом, отупевшим от муки, перечитывает в сотый раз конец:

«Да, я остаюсь одиноким на сей земле, с раскаяньем и томленьями, ибо не оставили вы моему одиночеству даже грустного плода наших объятий»...

О, страшная мысль три дня уж пытает детское сердце! Я беременна, я должна быть беременной, сказала она себе третьего дня, перечитывая это письмо. И сейчас она упорно повторяет это. Она почувствовала невралгические боли и вдруг мысль безмерная явилась... «грустного плода наших объятий».

Тогда сказала себе Клара: от объятий рождаются дети. Это от объятий стала беременной несчастная Лаура? Ах! Если б я знала это!...

Какое преступное безумье овладело моей душой, когда я страстно обняла Рожера?

Да, но ведь папа меня часто обнимал. Но конечно... Бог не позволяет иметь детей ни от отца, ни от братев... А от кузенов? Ведь за них можно выйти замуж... Значит...

—————

С этого дня началась для Клары медленная агония. Столь велико было ее неведение, что даже самые очевидные доказательства не разубеждали ее. Мать приходила к ней, пробовала расспрашивать о болезни, но напрасно. Клара д'Элебез провела дома десять дней, но жизнерадостность не возвращалась к ней. Она даже начала просится обратно в монастырь. Больная бродила одна по чердакам. где играла когда-то в детстве. У отца копошилась где-то мысль о страшном безумии многих из рода д'Элебез, но он старался отделаться от этих догадок.

Унылая девушка одна бродит по холодным коридорам монастыря, куда она снова вернулась. В жару и в тоске она даже перестала чувствовать невралгические боли.

Раз ночью ей показалось, что младенец шевелится в ее девичьем животе. Вскочив с кровати, она сразу вспомнила голос, говоривший ей во сне, как раз в утро страшной охоты: «Вот приходит время твоей беременности!» Это было божественное предостережение, подумала она. А я! Я не послушалась! Все потеряно! Все кончено! О, зачем я родилась, зачем я не животное, не бедная тварь, как Робинзон, который грызет кость на солнышке! Тогда бы меня оставили в покое.

Часто мысли Клары останавливаются на ребенке, рожденном ее печальной невинностью. Ах, она уже любит его! Это его сын, сын любимого. Что сказал бы Рожер, если б он знал обо всем? Написать ему? О, нет! Какой позор! Но когда он узнает страшную правду — будет ли дуэль, как между дядей Иоахимом и братом Лауры? Рожер — выстрелит ли он? Неужели он ослепит папочку? И тогда?... Нет, все это слишком ужасно!...

И каждый день новый кошмар, каждую ночь новая смерть. Даже и не смерть, а нечто более ужасное, чем жизнь.

Раз господа д'Элебез и Фошерез едут вместе в монастырь навестит дочерей. Они прибегают — одна зачахшая, бледная, другая — здоровая и веселая. Через четверт часа господин Фошерез, отослав Лию, обращается к Кларе д'Элебез:

— Вы больны, дитя? Скажите? Чем вы страдаете?

О, как хотелось бы ей признаться в своем преступлении! Но стыд удерживает ее. Перед другим врачом, быть может в слезах, повинилась бы она в своей несуществующей вине. Но перед этим нет! Никогда! Перед

отцом Рожера!... Рожер не виноват... Она одна отвечает за совершенное Непреодолимый стыд удерживает ее... Она отвечает: .

— Я не страдаю... У меня лихорадка...

Мужчины уходят. За оградой монастыря господин д'Элебез не выдерживает и плачет.

— Успокойтесь, мой бедный друг, — говорит господин Фошерез, — у девушек бывают нервные заболевания, которые исчезают же неожиданно, как появляются. Я не думаю, что это опасно... Девочка она сильная... родители здоровые. Я никогда не слышал, чтоб в семье д'Элебез или д'Этан были нервные больные.

При этих словах, бессознательно жестоких, господин д'Элебез весь передергивается.

— Мой дорогой Фошерез... — говорит он.

И замолкает, не сделав ужасного признания.

— Девочка просто очень нервна, — продолжает господин Фошерез, — но ничего опасного...

Клару д'Элебез заботливо лечат. В монастыре, где она всегда была любимицей, ей не отказывают ни в чем. Чтоб не возбуждать ее, духовник освободил ее от всех религиозных обязанностей. Воскресная служба — и только. Она не должна теперь каждые две недели исповедываться. Старый священник знал душу девушки и понимал, сколь мучительным может быть в таком состоянии час исповеди.

Но Клара д'Элебез, сначала втайне обрадовавшаяся этому, потом заволновалась.

Неужели мои намерения столь ужасны, что я не могу их поведать даже духовнику?

Пытки возобновлялись или, вернее, не прекращались. Ей часто кажется, что она сидит на колодце у заколоченного дома, что павлины висят над нею и солнце жжет голову.

— Он родится голым, — говорит она сама себе. — У младенца Христа была хоть солома...

И в то время как нежно думает Клара о рожденном Младенце, в ее душе подымается глухая злоба против Господа. — Он недобрый, — восклицает она. И тотчас, испуганная своим богохульством, смиряется и долго молится.

Одно посещение особенно тяжко ей — ее старого приятеля господина д'Астен. Он приехал навестить больную девушку. Он входит в приемную залу с большой корзиной кизила, который Клара раньше так любила. Растроганная Клара плачет. Тогда старый д'Астен, сам потрясенный, протягивает ей руки, желая приласкать дитя и успокоить.

Но вдруг Клара д'Элебез встает с нахмуренными бровями, с суровым взглядом и кричит:

— Не смейте обнимать меня, — кричит она. — Жалкий! Вы хотите меня обесчестить.

\-----

Господин д'Астен не передал родителям непонятной фразы, которая, по его мнению, была доказательством страшного безумия. Но, не объясняя ничего, он настоял, чтоб девушку перевезли из монастыря домой.

Часто после обеда в Балансен приезжает господин Фошерез. Он напрасно старается открыть корни непонятного заболевания Клары.

Уж девушка перестала разговаривать и только кратко отвечает, когда ее о чем-нибудь спрашивают. Она встает каждый день, в одно и то же время и ранним утром идет молится в церковь, останавливаясь у могилы Лауры. Розовые белладонны отцвели, их сменили грустные настурции, средь сухих листьев и снега. Она

кашляет, после того как, истязуя себя, простояла на коленях все утро средь заиндевевшей травы. Нет слов, чтобы передать ее мучения. Усталость и безразличие ко всему уступают место только жестоким вспышкам раскаяния. Угрызения совести слепят ее глаза, неотступно жужжат в ушах. Ночью галлюцинации преследуют ее, голоса кричат о беременности, боли разрывают все тело и в темноте встают красные тени.

После одной из таких ночей Клара д'Элебез не может подняться. Гертруда приносит ей завтрак. Но измученная девушка в раздражении прогоняет старую служанку. Тогда госпожа д'Элебез начинает осторожно уговаривать Клару выпить что-нибудь, но напрасно. Бедная мать уходит в свою комнату и там долго плачет.

VI

В ясное утро марта умерла Клара д'Элебез. Небо было прозрачно, как перламутр невозмутимых вод. Облака легкие и редкие таяли. Сотни птиц пели на голых платанах. Петухи перекликались. Хижины блистали в росе. Робкий шепот весны шел с едва желтеющих нив. В парке алели цветы магнолий, как языки пламени. На лужайках трепетали листики анемон. Желтые первоцветы, фиалки, подснежники, лютики мелькали у ограды. Вдали дрожали Пиренеи, подобные плывучим льдинам, лазурные и снеговые.

Госпожа д'Элебез вошла в комнату дочери, которая за последние два дня, оправившаяся немного, вста-

вала.

— Как ты спала, мое дитя?

— Мне лучше, мамочка!

— Хочешь, Гертруда принесет тебе теплой воды, чтобы умыться?

— Да, мамочка.

Госпожа д'Элебез вышла из комнаты. Клара, вся охваченная единой надеждой, встала на колени пред распятием и начала молится.

Когда Гертруда ушла, Клара д'Элебез с большим усердием принялась за туалет. Она тщательно завила свои тяжелые локоны и оделась. Потом, озабоченная, открыла саше с платочками, вынула оттуда два письма дяди Иоахима, спрятанные ею, и сожгла их. Взглянув еще раз на дядин портрет, она вышла из своей комнаты и, стараясь ступать как можно тише, прошла в библиотеку. Там в углу был шкап, в котором госпожа д'Этан поместила домашнюю аптеку. На каждой бутылке или банке госпожа д'Этан своим старческим почерком вывела название лекарства: эфир, лаудан, лавровые капли, бальзам и еще другие.

Клара д'Элебез открыла шкап и взяла лаудан. Это решение пришло совсем внезапно. Еще десять минут тому назад, сжигая письма дяди, она не сознавала ясно, что ей предпринять. Но она не удивилась своему поступку. Она еле ощущала все происходящее, какое-то отупение овладело ею. Взяв склянку, она спрятала ее на груди.

Лицо ее сохраняло полное спокойствие. Стоя у большого окна библиотеки, глядела она на тихий сад. Там был сырой тенистый уголок, где она играла «в сад», когда была еще маленькой. Она вспомнила об этом. Под акациями с большими стручками она рядами сажала бутоны роз, поливала их из маленькой зеленой лейки. Лейку ей подарил в именины отец. Она вспом-

нила свою просьбу: «Мама, сделаем дождь!» В лейку наливали немного чистой воды. Тогда несколько капель падали на горячие лепестки. Шорох в кустах пугал ее, она бросала игрушку и бежала к бабушке, вытянув руки, как дети, когда они только начинают ходит.

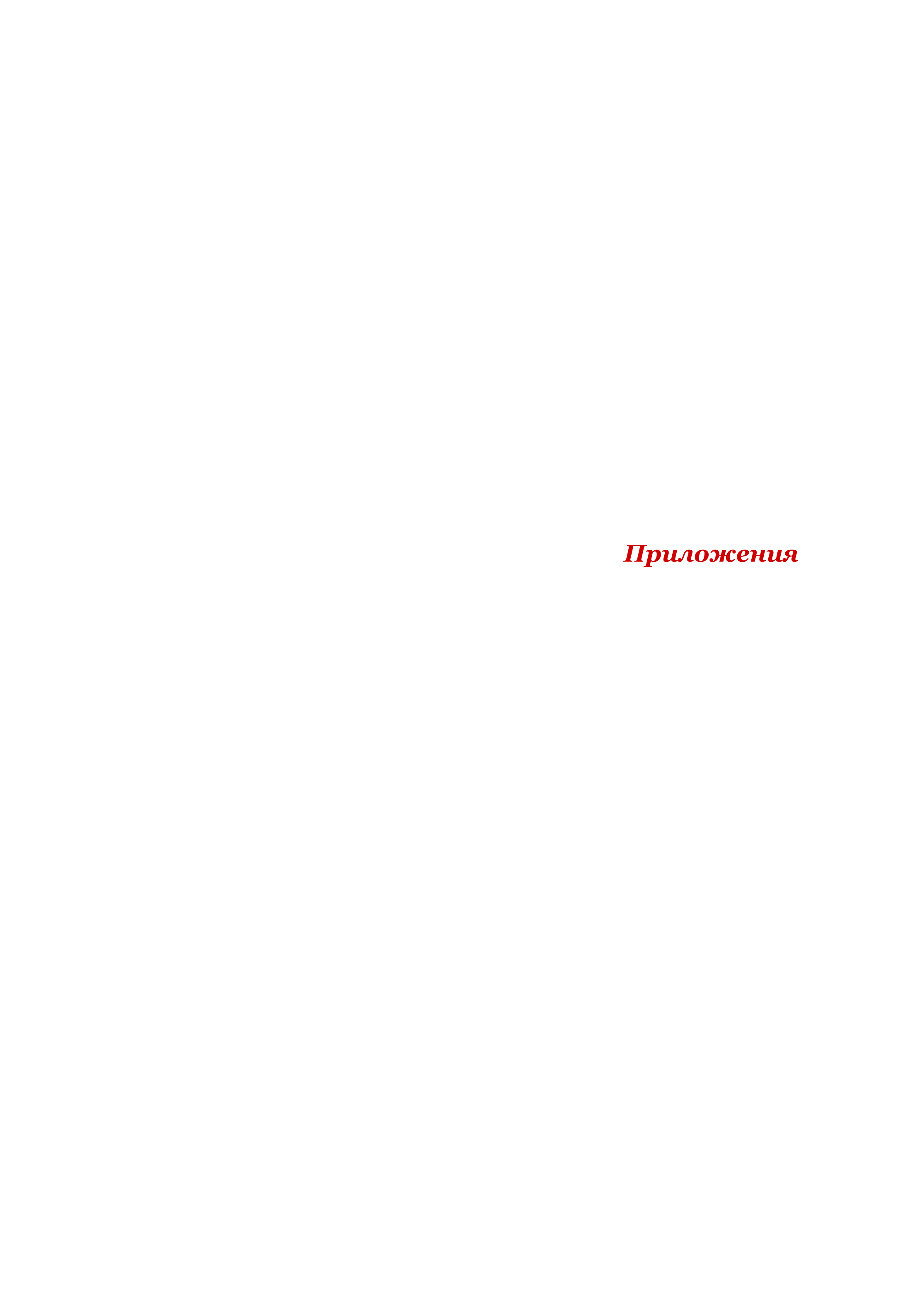
Эти воспоминания мучили Клару. Она сдерживалась, чтобы не заплакать. Отвращение и тоска овладели ею. Под черным платьем сжимала она склянку. Ее грудь чувствовала холод стекла.

Она пошла в парк. Навстречу ей шел отец с Робинзоном на охоту, но он не заметил ее. Клара замедлила шаг и начала разглядывать свою юбку. Невыразимый ужас искривил ее рот. Ей показалось, что ее живот стал огромным. Она подумала о матери, о Рожере, стараясь отогнать от себя их образы.

Она была уж на кладбище, между склепом д'Элебез и могилой Лауры. Белые гиацинты цвели вокруг.

Клара стала на колени, вынула склянку, откупорила ее. Левой рукой она обхватила решетку. Закрыв глаза, залпом выпила она лаудан.

Так умерла Клара д'Элебез в возрасте семнадцати лет, 10-го марта 1848 года. Молитесь за нее!

Приложения

Ф. ЖАММ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Когда для всех меня не станет меж живыми,
С глазами, как жуки на солнце, голубыми,
Придешь ли ты, дитя? Безвестною тропой
Пойдем ли мы одни... одни, рука с рукой?
О, я не жду тебя дрожащей, без одежды,
Лилея чистая между стыдливых дев,
Я знаю, ты придешь, склоняя робко вежды,
Корсажем розовым младую грудь одев.
И, даже братского не обменив лобзанья,
Вдоль терний мы пойдем, расцветших для терзанья,
Где паутин повис трепещущий намет,
Молчанья чуткого впивая жадно мед.
И иногда моей смущенная слезою,
Ты будешь нежною рукой мою сжимать,
И мы, волнуясь, как сирени под грозою,
Не будем понимать... не будем понимать...

Пер. И. Анненского

АЛЬМАНАХ

Корзинку с яйцами оставив, в альманах
Глядит ребенок; там предсказана погода,
Святые названы, и знаки небосвода
Исчислены: Овен, Телец, Лев, Рыбы, Рак...

Простушка бедная, перелистав картинки,
Мечтает, что вверху, где звезды так блестят,
Как на земле, внизу, есть праздничные рынки,
Где продают овец, рыб, раков и ягнят.

И рынка божьего встает пред ней виденье...
И думает она, увидев знак Весов,
Что есть на небесах, как здесь у мясников,
Весы, чтоб взвешивать соль, сыр и прегрешенья...

Пер. В. Брюсова

ЗЕВАКИ

Проделывали опыты зеваки
В коротких панталонах, и шутник
Мог искрой, высеченною во мраке,
Чудовищный баллона вызвать взрыв.

Взвивался шар, наряднее театра,
И падал в ахающую толпу.
Горели братья Монгольфье отвагой,
И волновалась Академия наук.

Пер. Б. Лившица

С ДУБОВЫМ ПОСОХОМ

С дубовым посохом, в плаще, пропахшем сыром,
Ты стадо кроткое овечек гонишь с миром,
Зажав под мышкою небесно-синий зонт,
Туда, где тянется туманный горизонт.
Резвится пес, осел плетется, как во сне,
Бидоны тусклые бряцают на спине.
В селеньях небольших пройдешь пред кузнецами,
Вернешься на гору, покрытую цветами,
Где овцы разбрелись, как белые кусты.
Там мачты кораблей встают из темноты,
Там с лысой шеей гриф летает над горами
И красные огни горят в ночном тумане.
И там услышишь ты, в пространство обратясь,
Над бесконечностью спокойный Божий глас.

Пер. М. Миримской

Вьеле-Гриффену

Осенние дожди, с утра застлала мгла
весь горизонт. Летят на юг перепела,
и рыщет хриплый ветер по оврагу
и гонит, как метлой, дрожащего бродягу.
С окрестных косогоров и холмов
на крыльях медленных спустились стаи дроф;
смешные чибисы уже отсуетились
и где-то в камышах, в сырых ложбинках скрылись;
чирки-коростельки, как будто неживые,
ни дать ни взять — игрушки заводные,
дня через три над нами пролетят;
а там, глядишь, и цапли воспарят,
и утки взмоют легким полукругом
и затрепещут над пустынным лугом.
Придет пора — и странный ржавый клич
раздастся в небесах, — то журавлиный клин;
промчится хвостовой и сменит головного...
А мы, Вьеле-Гриффен, поэты, мы готовы
принять весь мир, но в нем жестокость и разлад,
и режут к праздникам в деревне поросят,
они так страшно, так пронзительно визжат,
и будничная жизнь порой не лучше ада.
Но и другое есть — с улыбкою по саду
идет любимая — сиянье, и прохлада,
и прелесть. Но еще есть старый-старый пес,
он болен, и лежит, уткнувши в листья нос,
и грустно смерти ждет, и весь — недоуменье...
Какая это смесь? И взлеты, и паденья,
уродство, красота, и верх и низ...
А мы, недобрые, ей дали имя — Жизнь.

Пер. Э. Линецкой

На этих днях начнется снег. И прошлый год
Мне снова вспоминается с его грустями
Забытыми. И если спросит кто: что с вами?
— Скажу: побыть мне дайте одному. Пройдет...

Подолгу размышлял я в том же доме старом,
А грузный снег на ветви падал за окном.
И, как тогда, я тоже думал ни о чем,
Раскуривая трубку с мундштуком янтарным.

Все так же славно пахнет мой резной буфет.
И я был дурнем, полагая, что приметы
Не изменяются и что сменять предметы
Пустая блажь, ненужная, и смысла нет.

Все размышляем, все толкуем — не смешно ли?
А слезы, поцелуи — все молчком, ни звука,
А нам понятны. Так шаги соседа-друга
Мне слаще всяких слов, подслащенных тем боле.

Крестили звезды, не подумав, что для них
Имен не нужно, и красавица комета,
Которой сроки учтены с начала света,
Не засияет в небесах от слов твоих.

И где же он, мой прошлый год с его грустями
Давнишними? Почти совсем забытый год.
Я говорю: побыть хочу один, пройдет...
Коли захочет кто-нибудь спросить: что с вами?

Пер. С. Шервинского

СТОЛОВАЯ

Шкап, и на нем полировки остаток.
Слышал он голос моих прабабок,
Слышал он голос моего деда
И голос отца, за дедом следом.
Воспоминанья он крепко хранит.
Он, думают, нем, оттого и молчит,
Но я веду с ним беседы.
Там же с кукушкой часы — не пойму,
В толк не возьму, молчат почему?
Все же не стану спрашивать их,
Быть может, что-то сломалось в них
И попросту замер голос пружины,
Как человеческий в миг кончины.
Там есть еще старинный буфет,
В нем пахнет воском, вялыми гроздями,
Мясом, хлебом, грушами поздними.
Он верный слуга, тревоги с ним нет,
И сам он знает, что красть не след.
Приходит немало мужчин и дам,
Глухих к этим малым живым вещам;
Смешно, что во мне лишь видна им душа.
Когда произносят, войдя не спеша:
«Как поживаете, милейший Жамм?»

Пер. С. Шервинского

СИНДБАД-МОРЕХОД

В садах, где персики омыты ясным светом,
Как слезы, падают тяжелые плоды,
И, в грезах слушая прохладный плеск воды,
Жарою истомлен, Багдад недвижим летом.

Томится полудень, и словно спит дворец,
Гостей ждут кушанья в больших прохладных залах.
Достоинство тая в движениях усталых,
К друзьям идет Синдбад — богач, моряк, мудрец.

Баранина вкусна, и сладостна прохлада,
Здесь бытие течет неспешно, без тревог.
Льет воду черный раб на мраморный порог,
И спрашивают все: «А что там, у Синдбада?»

Дает роскошный пир прославленный Синдбад,
Синдбад умен и щедр, а мудрые счастливы.
Чудесной повести все внемлют молчаливо
О том, как плавал он и как он стал богат.

Курится в залах нард — благоуханья славы,
И жадно ловит их Синдбада тонкий нос.
Недаром соль сквозит в смоле его волос,
Ведь шел на смерть Синдбад, чтоб знать людей и нравы.

Пока он речь ведет, на золотой Багдад,
На пальмы сонные струится солнце знойно
И гости важные разумно и спокойно
Обдумывают то, что говорит Синдбад.

Пер. Ю. Денисова

Кто-то тащит на убой телят,
И они на улице мычат.

Пробуют, веревку теребя.
На стене лизать струю дождя

Боже праведный, скажи сейчас,
Что прощенье будет и для нас.

Что когда-нибудь у райских врат
Мы не станем убивать телят,

А, напротив, изменившись там.
Мы цветы привесим к их рогам.

Боже, сделай, чтоб они, дрожа,
Меньше б чуяли удар ножа.

Пер. И. Эренбуга

Вот кто славным трудится трудом!
Тот, кто наливает молоко в кувшин,
Тот, кто стережет коров среди долин,
Тот, кто жнет усатый и прямой овес,
Тот, кто рубит тонкий ствол берез,
Тот, кто подрезает над ручьем ивняк,
Тот, кто чинит старый порванный башмак
Пред семьей счастливой и паршивым псом,
Мирно задремавшим пред огнем,
Тот, кто ткет, чей ночью низкий стук
Раздается точно крик сверчка вокруг,
Тот, кто выжимает виноградный сок,
Тот, кто сеет в огороде лук, чеснок,
Тот, кто собирает яйца кур...

Пер. И. Эренбурга

Это было вечером, оттенок гор
Был как сделанный монахами ликер
И я чувствовал, душа моя идет
К воздуху прозрачному, к снегам высот,
К быстрым козам, к горцам, к мирным пастухам,
К грязным овцам, к лающим на стадо псам,
К звуку буксового крепкого рожка,
Что вырезывала грубая рука,
К сиплым колокольчикам бродячих стад,
К домику священника, к толпе ребят,
Поэзия французского символизма
Что за рекрутами следуют хвостом,
К водам, к белой рыбке с красным плавником,
К храму сельскому, с фонтаном перед ним,
Где я был ребенком грустным и простым...

Пер. И. Эренбурга

Я читал романы, сборники стихов,
Писанные умными людьми в Париже,
Ах, они не жили у моих ручьев,
Где бекас, купаясь, шелестит и брызжет.
Пусть они приедут поглядеть дроздов,
На пруду опавшие сухие листья,
Маленькие двери брошенных домов,
Ласковых крестьян и уток серебристых,
И тогда, с улыбкой трубку закурив,
От тоски своей излечатся наверно,
Слушая глухой пронзительный призыв
Ястреба, повисшего над ближней фермой.

Пер. И. Эренбурга

ЭЛЕГИЯ

Исцелюсь ли навек
От печали, что в сердце таится?

        Друг мой, может ли снег
        От своей белизны исцелиться?

О Мамора моя,
Что ответишь ты Доброму Богу?

        Я скажу, что земля
        Перед небом темна и убога.

О Мамора, каков
Будет радостный рай, расскажи мне?

        Много арф и цветов
        И в лазури небесные гимны.

А еще, что еще
Я увижу средь райского хора?

        Будет сердце твое.
        Будет наша любовь и Мамора.

Пер. И. Эренбурга

МОЛИТВА, ЧТОБ РЕБЕНОК НЕ УМЕР

Боже, сбереги ты маленькую детку,
Как от ветра нежно бережешь Ты ветку.
Сохранить ребенка для Тебя что значит.
Если мать, измученная, горько плачет,
Господи, не Ты кладешь рукой жестокой
Голубую смерть на розовые щеки,
Если Ты оставишь жить ее, то в храме
Твой алтарь она украсит васильками,
Боже, сбереги Ты маленькую детку,
Как от ветра нежно бережешь Ты ветку.

Пер. И. Эренбурга

МОЛИТВА, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ЗВЕЗДУ

Боже, дай мне одну золотую звезду,
Может, в ней для души я спасенье найду.
Если ты не захочешь отдать ее мне,
Без обиды, без жалобы все я снесу.
Если гибель в звезде — подари ее мне,
Как дают бедняку золоченое су.
Я плетусь как осел... Вспоминаешь ли ты,
Как ребенком я клал остролистов кусты
Перед яслями в храме, где мать моя встарь
Убирала розетками нищий алтарь?
Если в этой звезде я спасенье найду,
Подари мне одну золотую звезду,
Потому что мне надо сегодня ее
Положить на замерзшее сердце мое.

Пер. И. Эренбурга

МОЛИТВА, ЧТОБЫ ВОЙТИ В РАИ С ОСЛАМИ

Когда Ты, Господи, прикажешь мне идти,
Позволь мне выбрать самому пути;
Я выйду вечером, в воскресный день,
Дорогой пыльной, мимо деревень,
И, встретивши ослов, скажу: «Я — Жамм,
И в рай иду». И я скажу ослам:
«Пойдемте вместе, нежные друзья,
Что, длинными ушами шевеля.
Отмахивались от ударов мух,
Назойливо кружившихся вокруг».

Позволь к Тебе прийти среди ослов, —
Средь тех, что возят фуры паяцов,
Средь тех, что тащат на спине тюки
Иль в маленьких повозочках горшки.
Среди ослиц, что ноги ставят так,
Что трогает вас их разбитый шаг,
Что, пчелами ужалены, должны
На ножках раненых носить штаны.
Позволь прийти мне с ними в райский сад,
Где над ручьями яблони дрожат,
И сделай. Господи, чтоб я в него вошел,
Как много поработавший осел,
Который бедность кроткую несет
К прозрачной чистоте небесных вод.

Пер. И. Эренбурга

Молитвы, как цветы, восходят к Богу;
Никто не знает как... Одни богаты
И с запахом тяжелым туберозы,
Другие бледные, без аромата,
Как чахлый одуванчик у дороги.
Они идут к Небесному Владыке,
И только Он один судить умеет.
Что бедность кроткая вербены дикой
Перед Творцом богаче иль беднее
Какой-нибудь изысканной гвоздики...

Пер. И. Эренбурга

АГОНИЯ

Деткой умирающей пред матерью своей
Меж других играющих, как каждый день, детей,
Птицей раненой, не знающей, зачем крыло
Кровью обливается и никнет тяжело,
Славлю я Тебя, Мария!

Пер. И. Эренбурга

БИЧЕВАНИЕ

Бедными ребятками, избитыми отцом,
И ослом, которого бьют в сердце сапогом,
Девушкой, которую раздели, чтоб продать,
Сыном, пред которым грубо оскорбили мать,
Славлю я Тебя, Мария!

Пер. И. Эренбурга

ВЕНЧАНИЕ ТЕРНИЯМИ

Нищим, не державшим в жизни царского жезла,
Кроме палки от собак прохожего села,
И поэтом раненным навек шипами дум.
Дум, которых выполнить не может ум.
Славлю я Тебя, Мария!

Пер. И. Эренбурга

КРЕСТНАЯ НОША

Бедною старухою с вязанкой дров большой,
Что кому-то тихо жалуется: «Боже мой»,
Старой лошадью, упавшей на заезженном пути,
Не имея силы, чтобы дальше экипаж везти.
Славлю я Тебя, Мария!

Пер. И. Эренбурга

ПОЛЕЗНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В марте (знак Овена) начинают сеять
Каротель, капусту и пахучий клевер.
Боронить кончают и в садах навозом
Удобряют землю, подстригают лозы.
Для животных зимний корм окончен, в селах
Матери прилежно лижут пухлых телок.
День на час и пятьдесят минут длиннее,
И когда по вечерам едва темнеет,
Козьи пастухи, отставши на опушке,
Надувая щеки, что-то трубят в дудки,
И овчарка, стадо коз оберегая,
Машет поднятым хвостом и громко лает.

В марте Вербное выходит Воскресенье.
В детстве мне давали в этот день печенье.
Я к вечерне шел послушный, молчаливый...
Перед службой мать мне говорила:
«У меня на родине цветут оливы...
Под оливами Христос тогда молился...
И за Ним пришла толпа.
В Иерусалиме
Люди, плача, повторяли Божье имя,
И Его осленок семенил ногами
По дороге, густо устланной ветвями.
Злые нищие кричали от восторга,
Потому, что веровали в Бога,
Женщины дурные делались другими,
Оттого лишь, что Он ехал перед ними...
И Его за солнце люди принимали...
Он умерших воскрешал... Его распяли...

Тихо плачу я, сжимая зубы,
Вспоминая о вечерней службе,

Как держал кадильницу я в сельском храме
В крестном ходе меж хоругвями, крестами,
И как тихо слушал я кюре седого,
Говорившего нам о страстях Христовых.

Будет хорошо тебе с подругой в марте,
На лугу, где вы найдете темные фиалки,
Вы в тени увидите барвинок, раньше
Цвет его любил Руссо, и одуванчик...
Курослепы, лютики, густые кашки,
Золотые или белые ромашки.
Анемон, жонкильи, снежные нарциссы
Вас заставят думать о швейцарских высях!
Плющ, полезный для страдавших астмой...

Если у подруги тонкие колени,
Для твоей любви прекрасен свет весенний.
Плечи нежные покажутся светлее,
С головы до ног ее простое тело
Будет как ручей, разлитый в бедрах, белый.

От любви уставши, можно на охоте
Несколько бекасов подстрелить в болоте.

Друг, от городской работы утомленный,
Я зову тебя в приют мой скромный.
Мы не будем спорить об искусстве, жизни,
Но взглянув в окно на черный сад, на горы,
И на стадо коз, идущих мимо,
Ты прочтешь хорошие стихи, в которых
Мне расскажешь о своей любимой.

Пер. И. Эренбурга

Перед зимой на телеграфных проводах
Замученные ласточки сидят рядами.
Они грустят об африканских небесах.
Которых никогда пред этим не видали...

«Которых никогда пред этим не видали»...
Как мы, когда тоскуем о далеком Рае,
Они, застывшие, пронзенные, висят;
Они летали кругом, падая, взлетая,
И после возвращались все-таки назад.

Проститься с милой крышей церкви — трудно это.
О как им грустно, бедным... Отчего орешник.
Их обманув, осыпался, застыл перед зимой...
Как страшно им, что быстро пролетело лето...
Гнездо их больше не узнало... Безутешны,
Они теперь дрожат на проволке стальной...

Так и душа, страдавшая при жизни много,
Пред тем, как перейти навек в Небесный Сад,
Пускаясь в океан воздушный пред дорогой,
Колеблется и возвращается назад.

Пер. И. Эренбурга

Реми де Гурмон

ФРАНСИС ЖАММ

Вот буколический поэт. В нем есть Вергилий, кое-что от Ракана и кое-что от Сегре. Подобных поэтов встречаешь очень редко. Для этого нужно уединиться в старом доме на опушке леса, огражденного кустарником, среди черных вязов, морщинистых дубов и буков с корою нежною, как кожа любимой женщины. Здесь не стригут траву, не делают никаких газонов, чтобы создать впечатление бархатной кушетки. Ее косят, и быки радостно едят душистое сено, стуча об ясли своими кольцами. В этом лесу каждое растение имеет свои особенности, свое имя.

В лесу медунка есть с цветочком лиловатым,
С листом мохнатым и зеленовато —
Серым, с белым крапом и шершавым, —
Там надпись есть церковная уставом.
Жерухи много там, чтоб бабочкам резвиться,
Прозрачных изопир и черной чемерицы,
И гиацинты есть, их раздавить легко,
И жидкость липкая блестит, как молоко;
Зловонная жонкиль, нарцисс и анемона
(О вас мечтаю я, снегов швейцарских склоны!)
Будра полезная тем, что одышкой страждут.

Это отрывок из «Месяца Марта», маленькой поэмы, написанной Франсисом Жаммом для «Альманаха Поэтов» прошлого года, похожей на фиалку (или аметист), выросшую у изгороди среди первых улыбок весны. Вся поэма удивительна по грации и вергилиевской простоте. Это отрывок из «Georgiques Françaises», на которых многие поэты некогда тщетно пробовали свои силы.

Septima post decimam felix et ponere vitem
Et prensos domitare boves et licia telae
Addere. Nona fugae melior, contraria furtis.
Multa adeo gelida melius se nocte dedere
Aut cum sole novo terras irrorat Eous.
Nocte leves melius stipulae, nocte arida prata
Tondentur: noctis lentus non deficit humor.

С той же уверенностью и тем же мастерством Жамм рассказывает о крестьянских мартовских работах.

Зимний корм скота уж на исходе,
Телок в луг не гонят при погоде,
Большеглазых телок лижет матка,
В свежем корме нету недостатка.

Два часа на прибыль без минутки;
Вечера теплы; плетясь лениво,
Козьи пастухи задули в дудки;
Идут козы, позади собака
Бьет хвостом; всегда готова драка.

Во Франции нет в настоящее время другого поэта, способного нарисовать такую ясную, правдивую картину с помощью простых слов и фраз, похожих на непринужденную болтовню, но в то же время как бы случайно образующих стихи, законченные и чистые. Но поэт благоразумно следует своему календарю: как Вергилий, он лишь на мгновение прерывает уход за пчелами, чтобы рассказать приключение Аристея, или, дойдя до Вербного Воскресенья, в нескольких стихах изложить историю Иисуса, прекрасную и нежную, как старинная гравюра, которую вешали над постелью.

В саду масличном слезы Иисусовы текли,
Книжники с дреколием искать Его пошли,
И народ Салимский плакал и кричал,
Призывал Иисуса,— а осленок мал

Весело трусил по вайевым ветвям.
Нищие, голодные возрыдали радостно,
Следуя за Ним и веря Ему благостно.
Приходили жены блудные к спасению,
Видя, как Он шествовал в небесном сиянии,
Столь светло сияние, что солнышко багровое,
Кротко улыбался Он, а кудри — медовые.
Мертвых воскрешал Он им, и Его же распяли.

Когда у нас появится полный календарь (вероятно, это случится когда-нибудь), написанный в таком же патетически-простом тоне, можно будет к разбросанным томам, составляющим всю французскую поэзию, прибавить еще одну незабвенную книгу.

Первые свои стихи Франсис Жамм выпустил в 1894 году. Ему было тогда, вероятно, около 25 лет, и жизнь его была такою же, какой она осталась до сих пор. Он жил одинокий, в глубине провинции, поблизости к Пиренеям, но не в самых горах.

Блестят на солнце села по равнине,
Где реки, колокольни и харчевни.

Кожа у крестьянок «темна, как земля». Но утра и вечера там голубые.

Поля желтеют, сильно пахнет мятой,
Ручей поет в ложбине сыроватой;

Тропинки те, где ранним Октябрем
Летают по ветру листы каштанов...

Селения рассыпаны везде:
На склонах, на вершинах и на дне;
В долинах, на поле, вдоль берегов,
Вдоль гор, дорог и близко городов.
Там колоколенки вдали видны,
На перекрестках там стоят кресты,

Стада там ходят с хриплыми звонками,
Бредет пастух усталыми ногами.
Уж красноглазых голубей над просом
Заметить можно между серых туч;
От холода журавль защелкал носом,
Как будто повернули ржавый ключ.

Вот в отрывочных и эскизных стихах тот пейзаж, среди которого сложились впечатления поэта. Одиночество приводило его в отчаяние и смущало его оригинальный дух. Ловя и отражая, прежде всего, настроение минуты, он не боится никаких повторений: бледными оттенками он варьирует подробности жизни, им столь любимой. Но зато сколько у него трогательных видений! Какая красивая фантазия! Как легко слова слагаются у него в стих завидной свежести! Вот перед нами картина сладострастья, проникнутая целомудрием.

На влажном вереске ты будешь обнаженной

Вот вам другая картина, с выражением более интимного чувства.

Весь осами наполнен и розами наш дом.

Плач любви и жалости, начинающийся словами:

Право, люб мне тот осел,
Что под падубом прошел:
Пчел он обходит,
Ушами поводит
И возит весь день
Бедняков, да ячмень.

Скромная элегия в четырех строках, полных усталой мягкой музыки — из них одна не совсем удачна.

И солнце ясное, названье деревеньки,
И гуси белые, ах, белые, как соль —
С любовью связаны, что уж была давно,
Как длинный, темный путь к святой Сусанне.

По истечении одного, или двух лет однообразной жизни, поэт достигает более определенного самосознания. Чувства его иногда приобретают характер тоскливой жалобы. При этом чувственность его усиливается до степени экзальтации. Выступая без стыдливого покрова, с полной откровенностью, но сопровождаемая живым настроением, она остается всегда чистою.

Поэма в диалогах «Un Jour» раскрывает перед нами в реально-нежных красках три стороны человеческой души: гордыню личного начала, чувство и чувственность. Четыре сцены, в которых поэзия парит над монотонной, грустной жизнью. Четыре картины, простые, с оттенком той наивности, которая созерцает сама себя и сознает свою красоту. Гораздо ярче и правдивее, чем все ходульные фразы мира, эта поэма показала нам один день, одну страницу жизни поэта. Внешний мир он воспринимает сквозь призму грубого ощущения, как и всякий другой. Затем путем абстракции он выделяет из этого ощущения все, что есть в нем символического, все, что имеет абсолютное значение. Вся поэма полна прекрасных, строгих стихов. Гений истинного поэта, развиваясь, сверкает здесь как солнечный луч сквозь изгородь дикой акации.

От нежной матери, седеющей, ты родился...

Подобны лебедям те, что бедны и горды.

Она ведь женщина, — тоску ты должен скрыть, —
Не может девушка двух душ в себе вместить.

О, пей лобзанья нежной милой,
Ведь слезы женские солены и унылы,
Как море, что отважным — лишь могила.

Не кажется ли, что неловкость, небрежность последнего стиха придает серьезной мысли оттенок мягкого юмора? Много улыбок в поэзии Франсиса Жамма. Не слишком много — я люблю улыбку.

Таков этот поэт. Его искренность почти смущает, не своей наивностью, а скорее — гордостью. Он знает, что родные пейзажи оживают под его взглядом и дубы говорят трепетом своей листвы. Утесы сверкают, как топазы. Он рассказывает об этой жизни, сверхъестественной, мистической, о жизни тех часов, когда он грезит с закрытыми глазами. В глубоком тумане таинственно сплетаются между собою природа и мечты в таком гармоничном ритме, что образуют как бы одну линию, одно очарование.

И линия у них, как лилия, нежна.

Уже давно пора во имя справедливости увенчать славой этот талант. Будем для собственного нашего удовольствия почаще вдыхать аромат его поэзии, которую он сам назвал поэзией белых роз.

Илья Эренбург

ФРАНСИС ЖАММ

Ф. Жамм родился 2-го декабря 1868 г. в деревушке Турме в Пиренеях. Дед его, искатель приключений, в молодости покинул родину и уехал на Антильские острова. В детстве Жамм часто слышал рассказы домашних о нем, и с любопытством глядел на сундук из камфарного дерева и на яркие ткани, привезенные дедом из путешествия. Эти воспоминания вместе с картинами родной природы и первыми религиозными ощущениями Жамм пронес через все свое творчество. Уехав в Бордо учиться, Жамм там начал писать стихи, кончив колледж вернулся обратно в Пиренеи, в маленький городишко Ортез. Здесь в 1888 г. он издал свой первый сборник стихов. Книга критиками была встречена насмешками, поэта, в необычно резко реалистических выражениях говорившего о жизни деревни, обвиняли в «невежестве» и «прозаичности». Только через несколько лет, после «Одного дня», критика должна была признать в Жамме поэта выдающегося и своеобразного.

Действительно вряд ли кто за последнее время, умел так близко и непосредственно подойти к природе, в родимых полях и реках найти не фон для своих «сложных переживаний», а свое, особой жизнью сильное. Во втором сборнике Жамма, рядом с грустными и прозрачно ясными элегиями, звучат впервые религиозные мотивы, «четырнадцать молитв», в которых Жамм через крепко любимую землю, подобно пару весенних полей, легко восходит к небу. Третья книга Жамма «LeTriomphe de la Vie», вызвала особенно много нападок со стороны «эстетов». Жамм решился затронуть здесь положительно «запретные» темы, поставив эпиграфом к книге «И это жизнь!». Около 1905 г. в душе поэта произошел решительный поворот в сторону религии и церкви.

Собственно говоря, с детства религиозно настроенный, с душой покойной и ребячески ясной, Жамм легко и прямо пришел к церковной паперти. Его книга «Clairières dans 1e Ciel» захватывает восторгом человека, нашедшего великую правду. Это восторг сердца, раненного плугом Господа, но ощущающего уже семена примирения и любви. В последней книге «Христианских георгиках» Жамм покинул «свободный стих» и потерпел некоторую неудачу, его александрийские строфы непривычно холодны. Но уже в стихотворном прологе пьесы «La Brebis Egaree», он встает перед нами с прежней силой и простотой.

Жамм живет постоянно в Ортезе и не выносит больших городов. Его жизнь просветленная и цельная привлекала к нему многих друзей, среди которых были Самен, Герен и Карьер.

Влияние Жамма на молодых поэтов сильно и благотворно, оно помогает им освободиться от литературных условностей. Целое поколение (см. стихи Вильдрака, Кроса, А. Жана и др.), выросло на любви к поэзии Жамма.

Кроме стихов Жамм написал прелестную «Историю зайца», несколько повестей о девушках, живших в усадьбах 30-х годов, пьесу «Заблудшая овца» и др.

Книги Жамма изданы «Mercure de France»: Стихи: De l'Angelus de l'Aube a l'Angelus du Soir (1888-1891) — Le Deuil des Primevères (1898-1900) — Le Triomphe de la Vie (1900-1901) — Clairières dans le Ciel (1902-1906) — Les Georgiques Chrétiennes. 1912. Проза: Le Roman du Lievre — Pensee des Jardins — Ma fille Bernadette — Feuilles en Vent.

О Жамме см. E. Pilon Francis Jammes et le sentiment de la Nature «Mercure de France» 1908 — A. de Bersancourt Francis Jammes poete Chretien.

По-русски см. Стихи и проза Франсиса Жамма, переводы И. Эренбурга и Е. Шмидт Москва 1913. (около 30 стих. «История зайца» и др). Р. де-Гурмон, Книга Масок; статья Крючкова в «Очарованном Страннике» 1913 — Крючков готовит книгу переводов Жамма.

Димитрий Крючков

ЦЕРКОВЬ В ЛИСТВЕ
(Франсис Жамм)

Аз есмь дверь: Мною, аще кто внидет, спасется. И внидет и изыдет и пажить обрящет.
(Ев. от Иоанна гл. 10 ст. 9).

Такой странный поэт, приемлемый искренно и горячо немногими сердцами, влюбленный в ритм обыденного, в постоянную, вечную, нескончаемую смену сельских работ, набожный католик, верный, преданный сын римской Церкви. Медленным, величавым, размеренным стихом поет он пахаря и жнеца, его спокойную, мерную жизнь.

«Мой ритм движется подобно волне спокойной иль поступи толпы тяжелой, медленной и богомольной»* .

В предисловии к русскому изданию стихов Жамма в переводе И. Эренбурга и Э. Шмидт автор говорит о поэтах «чья муза напоминала ярмарочную акробатку, у которой лопаются штаны под аплодисменты собравшихся на состязание». И действительно, это очень меткое сравнение могло прийти в голову лишь тому, кто славит простую, сельскую жизнь, у кого ангелы не походят на Ботичеллиевские воздушные тени. Нет, ангелы — жнецы, здоровые, румяные, крылатые посланники, небесные помощники благочестивого селянина — вот мир Жамма, мир душистых сумерек, благодатных утр, тихих звездных ночей, отдыха заслуженного тяжким, неустанным дневным трудом.

«Мы были», говорит Жамм про себя и своих друзей-

---

* Примечание. Отдельные строки цитируются по переводу И. Эренбурга и Э. Шмидт; цитаты из книги «Христианские георгики» переведены мною в прозе. Мною же подготовляется стихотворный перевод этой книги к ближайшей осени.

поэтов, «гриффенистом, реньеристом, саммеистом, жаммистом — каждый в отдельности». И это великое слово, такое нужное для русской поэзии настоящего дня — отважная самостоятельность, постоянное устремление к самоопределениио. Как хотелось бы видеть поворот от деланной, надоедливой, штампованной «экзотики» к чарам леса, утренних зорь, холодных струй горных речек поющих что-то непонятное, но близкое и милое на своем хрустальном языке. А вместо этого видишь повсюду «поэтических чиновников», затянутых в «экзотические мундиры», подобно герою рассказа Леонида Андреева «любящему негритянок». Какой скукой и самодовольной затхлостью, надоедной «литературщиной» веет от этого захолустного щеголянья в чужих, обтрепанных лохмотьях, в засаленных, составленных из пестрых кусочков тогах «акмеизмов» и прочих ежедневно изобретаемых «измов». Одно роднит все эти скучные и нелепые выдумки — общая бесталанность.

Жамм говорит нам о стыдливости Красоты. И подлинно, нужно подойти с молитвой и тихим раздумьем к этой лесной красавице — она пуглива, она утонченна, от нее пахнет небом и солнцем, золотом ржи, тонким ароматом поблекшего шелка и молитвенного ладана, притворами маленьких, смиренных сельских церквей.

И еще черта Жамма — он католик. Не мистик, не теософ, а верный, покорный сын римской Церкви. Он говорит в предисловии к «Христианским георгикам»: «На пороге этой книги объявляю, что я — католик, смиренно преданный всем велениям моего Папы Его Святейшества Пия X, говорящего во имя истинного Бога». Какая простота и пленительная уверенность, нежная, наивная радость в его немногих словах! Точно этот поэт пришел к нам из тех пленительных сумерек, когда люди пламенели любовью к язвам Христовым, когда ежечасно, ежедневно, на всех концах земли, отроки и девы, жены и мужи венчались нимбом святости и видели отверстые небеса. Не так и много написал Жамм, но в каждой книге его бьется пламенное сердце, яркой лампадой светит спасительная вера в Искупителя человечества...

Я был ребенком грустным и простым... говорит он. Грусть и простота — вот основные черты его творчества; смех детей и ангелов возможен — и те и другие в райских грезах, в голубых снах видят лучистое будущее, сверкающее настоящее. «В мире скорбни будете» — и сам Сказавший это никогда не смеялся. Грусть Жамма не печаль, не безнадежность, а торжественная закатность, воспоминание ароматное о прошлом, и зреющая, неколебимая надежда на Будущий День. Молитвы его родились в темных хижинах, у пылающих очагов, у стад бредущих по горам, в таинственных, душистых лесах. Он видит Рай так, как мы — повседневность; для него это — реальность, не красивый миф городских людей, а подлинное, божественное жилище, неувядающая прелесть. И он говорит о нем:

И сделай, Господи, чтоб я в него вошел
Как много поработавший осел,
Который бедность кроткую несет
К прозрачной чистоте небесных вод.

Какой прекрасный, нежный венок можно сплести из названий книг Жамма, — «От утрени до вечерни», «Печаль весен», «Торжество жизни», «Небесные просветы», «Христианские георгики». Мистические, благоуханные цветы — их не скосит Время, не сорвут самоуверенные слепцы эти книги — колосья ржи, принесенные в дар младенцу — Богу и его непорочной Матери.

Душа страдавшая при жизни много,
Пред тем как перейти навек в Небесный Сад,
Пускаясь в океан воздушный, пред дорогой
Колеблется и возвращается назад.

Душа Жамма, мы чувствуем это, много страдала, много любила, но приняла мир веще и мудро и спокойно идет по установленному, извечному пути. Поэта радует смена времен года, — сельские работы и церковные праздники сливаются в какой-то любимый, благодатный круг. В «Хри-

стианских георгиках» он развертывает перед нами этот поэтическо-богослужебный календарь. Книга разделена на семь песен; все они текут классически-спокойно, величаво, просто. Жатва, ангелы-жнецы, тяжелый, знойный полдень — ферма, ее обитатели — скромные, уравновешенные души. И в этом зное рождается любовь, такая же простая и могучая, как безгранное Небо, как золотые поля волнуемой ржи. А над этим покоем, над этим благословенным Ритмом — Царство Того, Кто приемлет в Отеческое лоно жнецов, мельников, булочников, к Кому обращается поэт с детскою мольбой «умножить хлебы по Евангельскому слову». Вечерний ангелюс венчает день; поэт вспоминает свою жизнь и обращается к тем, кто близок ему, — Овидию и Вергилию; имена эти так давно хотелось назвать, читая его успокоенные стихи. И, подобно ребенку, он вручает свое сердце Богу, «никому не нужное сердце». Оно полно печали, оно скорбит и плачет, — земля родная, оскверненная насилием городов, бездушной, механической культурой становится бесплодной. Лоно ее замкнуто для тех «что носят на челе проклятия печать» — оно не принимает семян безверия и ложной, самонадеянной мудрости. Но Иисус возвышает падшее. Уйдя от обычного, святого труда смиренномудрые подвижники земли, чуждые городскому шуму и обману, стоят перед алтарем Христовым. Настает миг, что «Евхаристией назвали на земле» — открыто Небо, льется вино Жизни в недостижимой, голубой Кане. «И слава полей плетет венок Любви — Земля и Небо вместе слиты».

С благодарственной молитвой поэт обращается к непорочной Деве «нежной, смутной и простой». Сердце его жаждет непреходящей Весны — Мессии, божественного Сына непорочной Матери. Жизнь только нам миг прерывается Смертью — одно мгновение — и глаза, отягощенные сумрачной усталостью старческих лет, перенесенными трудами и болезнями, снова раскрываются навстречу земле и ее незаходящему Солнцу — Христу. Живой источник веры, ее божественного экстаза напояет четвертую песнь «Георгик». Жамм поет нам Бернадетту в Лурде и ее чудодейственный грот. Перед этим богоизбранным ребенком оказался бес-

помощным громадный, непосредственный талант Эмиля Золя. Соблазненный земными голосами, связанный предрассудками Науки и Культуры, художник пытался накинуть тень клеветы на эту наивную пастушку, которую с такой безграничной любовью возвеличила Дева-Мать, осмеять и развенчать молитвенный порыв стремящихся к целительному источнику. Но талант его громко протестовал против поругания божественного Духа — и с каким скорбным недоумением вспоминаются иссушенные суетным гневом, обессиленные озлобленной слепотой страницы «Лурда», когда читаешь простые, благоговейные слова Жамма о дивном гроте Массабиэль. Быть может *нам* ближе всего эти строки — ведь и у нас пламенеют бесчисленные лампады у драгоценных рак, к которым сермяжная, богатая исконным смирением и мудростью, мужицкая Русь несет свои слезные молитвы, нам, чающим Входа в Светлый Град, тот Град, что мы видим сверкающим на дне душевных озер, темнеющих земными желаниями и просветленных благодатью веры.

Еще во второй песни Жамм говорит нам о том, как принимает он Современность. Город, развратитель девственной Матери-Земли, далеко; поэт идет полями, под небесным омофором из бледно-синего, прозрачного шелка. А в небе стремит Аэроплан — игрушка Дьявола, обманная мечта свободы, обещанной райским Змием. Небо проклинает его и в страхе мчится в бездонную даль испуганная ласточка, чуя биение механического сердца стальной орлицы. «Ведь ангелы враждебны Прометею! О неужели же увижу я опустошенной Землю? Не будет так! Ведь сердце певучее готово жить по заповеди Божьей». Жамма страшит жестокость мира — и вместе со сталью машин, с неумолимой четкостью рельс, шумных вокзалов и спешащих улиц он отрекается и от Прометея. Безумец-похититель пламени не знал Ритма, не хотел быть смиренным и нищим духом и для него закрыли Врата Царств ангелы-привратники, прозвучали страшные, тяжкие слова: «Двери! Двери!» и Божеское Сердце замкнулось для ученика Денницы, хитроумного Змия, прельстившего человека, оболгавшего прелести Рая. Семь песен

— семь лампад запрестольных. А кругом тишина, сумрак, запах ладана, маки язв Христовых, смутное дыхание молитв далеких и пламенных. Малая церковь, подобная лучезарной звезде Благодати, одетая листвой, зеленым клобуком Природы, смиренномудрой инокини, всегда радостной, всегда богоизбранной. Таково творчество Жамма — оно просто, певуче и величественно. Оно таит в себе две искры, от которых зажигаются факелы земного Счастья, будущего Рая — любовь к Родине и Вера. Жамм любит родную Землю, свою Францию, ее сумраки и просветления — он сын ее национальной Церкви и вместе с крестьянином он преклоняет колени пред скромным алтарем сельского храма. Вместе с пахарем он восстает против насилий — слова его тверды и определенны. Он клеймит «злых пастырей Республики», посягнувших на святыни, загасивших светильники благочестия. О них сказано евангельское слово — они — наемники, странные пришельцы, расточители отеческих богатств. Жамм предвидит час жестокой Войны — «ружья заговорят» и блаженные изгнанники вернутся к неблагодарной стране, вновь станут ее благодатным оплотом против идущих бед и испытаний. И впереди их явится, сверкая небесными доспехами, дева-воительница — Жанна д'Арк — мстить за поругание родного народа, возрождать его потускневшую славу.

Сердце народа живо, верит пламенно и молится радостно. В церкви — молитва, клубится ладан, возносится чаша, вместившая Невместимого, а за окнами — литургия природы. И солнце-священнослужитель льет золотое вино Искупления в синий потир Неба.

Как нам нужна, дорога и близка эта поэзия и ее величавый, смиренный творец. Путь неустанных преображений ведет нас все выше и выше. Шумит листва над церковью, воздеты руки наши к божественным селениям.

У нас одна молитва с поэтом:

«Adveniat regnum Tuum».

С.П.Б., 29. X. 13

Примечания

Клара д'Элебез

Повесть Ф. Жамма «Клара д'Элебез или История девушки былого времени» была написана в 1899 г. и в том же году опубликована «Меркюр де Франс». Повести предшествовали два стихотворения с упоминанием имени «Клара д'Элебез», из которых следует особо отметить «J'aime dans le temps Clara d'Ellébeuse...» («Я так долго люблю Клару д'Элебез...»), заканчивающееся любовным призывом: «Приходи совсем обнаженная, о Клара д'Элебез».
Переводчик повести, И. Эренбург (1891-1967), испытал глубокое влияние Жамма, которого воспринимал одно время как учителя жизни – посвятив Жамму сборник стихов «Детское» (Париж, 1914) и статью «У Франсиса Жамма» (Новь, 1914, 26 февраля). Небольшой рассказ о визите к Жамму в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь» уклончив: писатель, частью под впечатлением от личности и творчества Жамма, собирался даже принять католичество и уйти в бенедиктинский монастырь. В 1913 г. в Москве вышел сборник Ф. Жамма «Стихи и проза» со стихотворными переводами Эренбурга и прозаическими Е. Шмидт; в 1914 г. Эренбург включил четыре стихотворения Жамма в составленную им антологию «Поэты Франции 1870-1913».
Перевод повести «Клара д'Элебез» был впервые опубликован в журнале «Русская мысль» (1916, № 5), а в 1922 г. был выпущен отдельным изданием в Берлине «Русским универсальным издательством». Текст печатается в новой орфографии по первой (журнальной) публикации; пунктуация переводчика сохранена.

Избранные стихи

Тексты печатаются по изданиям «Поэзия французского символизма» (М., 1993), «Западноевропейская поэзия XX века» (М., 1977), «Поэты Франции 1870-1913. Переводы И. Эренбурга» (Париж, 1914) и др. источникам.

Р. де Гурмон. Франсис Жамм

Впервые: Le Livre des masques (Paris, 1896). Русский пер. Е. Блиновой и М. Кузмина впервые: Р. де Гурмон. Книга масок (СПб., 1913). Печатается по этому изданию в новой орфографии; также изменено устаревшее написание фамилии поэта («Жамэс»).

Р. де Гурмон (1858-1915) – французский писатель, журналист, эссеист, виднейший критик символистского направления.

С. 86. *Septima post decimam...* – Из кн. I «Георгик» Вергилия: «Счастлив семнадцатый день для посадки лозы виноградной, / Для прирученья быков, прибавления к ткацкой основе / Нитей. Девятый хорош для побега, ворам же враждебен. / Многое лучше всегда совершается ночью прохладной / Или когда на заре росится земля под Денницей. / Ночью пустую стерню и ночью же луг пересохший / Лучше косить, — по ночам достаточно влажности мягкой» (Пер. С. Шервинскому).

И. Эренбург. Франсис Жамм

Впервые: Поэты Франции 1870-1913. Переводы И. Эренбурга (Париж, 1914). Печатается по этому изданию в новой орфографии, с сохранением авторской пунктуации.

Д. Крючков. Церковь в листве

Впервые: Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. № 2 ([СПб.], 1913). Печатается по этому изданию в новой орфографии, с сохранением авторской пунктуации.

Д. А. Крючков (1887-1938) – поэт, переводчик, критик, примыкавший к эгофутуристам, автор сб. «Падун немолчный» (1913) и «Цветы ледяные» (1914). В 1923-1933 находился в заключении в Сиблаге как «организатор и руководитель католических общин Ленинграда», в 1937 г. был вновь арестован и расстрелян. В публикуемой статье сказалось характерное для Крючкова тех лет тяго-

тение к религии, христианскому пантеизму, монашеству. Планировавшаяся автором книга переводов из Ф. Жамма в свет не выходила.

С. 98. *Adveniat regnum Tuum* – Да приидет Царствие Твое (*лат.*).

_____

В книге использованы работы французских художников, иллюстрировавших «Клару д'Элебез» в 1912-1958 гг. – М. Клузо (с. 18, 28), Р. Бонфильса (с. 37, 101), А. Бишофа (с. 39), А. Ру (с. 43). На фронтисписе портрет Ф. Жамма раб. М. Сири. В оформлении обложки использована картина М. Лорансен «Клара д'Элебез».

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.